

Погружение в отражение

Автор:

Мария Воронова

Погружение в отражение

Мария Владимировна Воронова

Суд сердца. Романы М. Вороновой

Пойман серийный маньяк, убивавший мальчиков, и дело передано в суд. Но оно оказалось не таким простым, как выглядело. Участь Еремеева, предполагаемого убийцы, в руках трех женщин – судьи Ирины, адвоката Веры и его любовницы Ларисы. Но от решения каждой из них зависит не только будущее Еремеева, но и их собственная жизнь. Нужно все хорошо взвесить, потому что, какой бы выбор ни сделали эти женщины, они навсегда изменят свою судьбу.

Мария Воронова

Погружение в отражение

© Воронова М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Никита нетерпеливо стучал в дверь, просил поторопиться, но Лариса так и сидела на дне ванны, подтянув колени к подбородку. Вода из душа лилась почти холодная, Лариса замерзла, но сил протянуть руку к новенькому

венгерскому смесителю не было.

После всего она стала мыться несколько раз в день: включала воду на полную мощность и терла себя мочалкой изо всех сил, но это не помогало, Лариса по-прежнему чувствовала себя оскверненной и мерзкой. Она быстро поняла, что вода ничего не смывает, но при каждом удобном случае уходила в ванную. Иногда даже не раздевалась, просто садилась на бортик и смотрела, как течет вода и, закручиваясь, убегает в слив.

Она надеялась, что со временем успокоится. Не сразу, не через месяц и даже не через год, произошедшее, нет, не забудется, конечно, не утечет без следа, но потеряет остроту и перестанет больно ранить. Когда-нибудь... Но дни шли, а легче нисколько не становилось.

Муж крикнул: «Лариса, выходи!» – уже с явным раздражением в голосе, и она очнулась.

Лариса встала, растерлась полотенцем, надела махровый халат и принялась сушить волосы феном.

Какие бы кошки ни скребли на сердце, а на публике надо выглядеть отлично – этот закон она усвоила еще в детстве.

Лариса накрутила локон на щетку и вздохнула. Когда-то она обожала причесываться и наряжаться, но теперь не могла даже вспомнить, каково это – нравиться себе.

Фен был новым, импортным и страшно дефицитным, но работал слабенько, не то что плойка «Этюд», могучее побочное дитя оборонной отрасли. Там прядь за несколько секунд принимала благородную форму древесной стружки, а с этим аппаратом приходилось повозиться.

Из зеркала на нее смотрела мрачная, потухшая женщина, и Лариса изо всех сил растянула губы в улыбке. Сойдет.

Обычным советским гражданам следует подтрунивать над фальшивыми улыбками американцев, презирать и немножко жалеть этих лицемерных людей,

вынужденных скрывать свои раздавленные капиталистическим гнетом души под веселыми масками, но на то они и обычные.

А нормальные люди с удовольствием перенимают этот стиль, ведь за улыбкой можно многое скрыть. Почти все.

Лариса побрызгала на прическу лаком, почти не глядя в зеркало. Волос у нее богатый, и цвет интересный: медно-рыжий, настоящий тициановский, так что голова всегда в порядке.

Постояв в задумчивости перед распахнутым шкафом, она выбрала прямую черную юбку и нарядный ангорский свитер с рукавом «летучая мышь». Нежный бирюзовый цвет очень шел Ларисе, но важно было одеться не красиво, важно было одеться точно.

А красота... Разве она теперь имеет на нее право?

Муж нетерпеливо кашлянул. Готовый для выхода, он стоял на пороге, хмурясь и многозначительно крутя на пальце ключи от машины.

– Сейчас, сейчас, – Лариса улыбнулась и заставила себя посмотреться в зеркало. Маленькая щуплая женщина, но одета со вкусом. Она быстро тронула губы блеском и только на секунду задержала руку над полочкой с духами. «Шанель»? Нет, все-таки «Клима»! И совсем чуточку.

Лариса почти не пользовалась косметикой. Когда снежно-белая кожа даже зимой покрыта густой россыпью ярких веснушек, невозможно подобрать помаду и тени так, чтобы они не выглядели вульгарной раскраской. А на густых рыжих ресницах почему-то любая тушь смотрится как гуталин.

«На тебя солнышко чихнуло», – говорила бабушка, и Лариса, в общем, гордилась своей необыкновенной внешностью. А теперь стала ненавидеть. Если бы она была обычной серой мышкой, он бы не заметил ее, прошел мимо... И сейчас она была бы спокойна.

Они поехали на своей машине. Муж любил водить, а кроме того, если ты за рулем, то имеешь полное право отказываться от спиртного.

С черного низкого неба вдруг посыпался снег, и, искрясь в желтом свете уличных фонарей, стал засыпать лобовое стекло. Муж включил дворники, и сквозь их мерные взмахи Лариса смотрела на темные дома Петроградской стороны, вдоль которых по узким тротуарам шли редкие прохожие: снегопад дарил им высокие белые шапки и нарядные эполеты. На перекрестке остановились, и Лариса смотрела, как дорогу переходят женщина с маленькой девочкой. Ребенок сосредоточенно тащил за собой санки, и восседающего на них медведя совсем замело.

Сердце кольнуло привычной и оттого мимолетной болью. Лариса отвернулась.

Наконец подъехали к большому серому дому, раскинувшемуся на Кировском проспекте. Никита поставил машину на улице, и в высоченную арку с гигантским фонарем они вошли пешком.

Отец мужа работал заведующим отделом ЦК КПСС, жил с женой в Москве, а это была «наша ленинградская квартира». Лариса тоже происходила из номенклатурной семьи, но рангом пониже, и жизнь на два города, когда можно приехать на выходные, просто чтобы сходить в Кировский театр и повидаться с сыном и старыми друзьями, представлялась ей неслыханной роскошью.

В «нашей ленинградской квартире» свекровь хозяйничала сама. Открыв дверь, Ангелина Григорьевна расцеловала сына с невесткой, убрала в шкаф их почти невесомые финские куртки Luhta и пригласила в гостиную, обставленную с обманчивой скромностью и простотой. Неброская, сдержанная мебель казалась невзрачной, но это был настоящий антиквариат, а не дефицитный финский ширпотреб, которым выхвалялись директора магазинов и прочая подобная публика.

Они пришли первыми, и Лариса, повязав фартук, помогла свекрови накрыть на стол. Нарезала тонкими ломтиками сервелат и твердый, но легкий и ноздреватый, как пемза, сыр, сочащийся слезой и терпким ароматом. Деликатесов на столе было ровно столько, сколько нужно. Балык – да, но икра только красная, и немного. Зато свекровь испекла свои фирменные пирожки и подала с бульоном, на сладкое сделала «Наполеон», а в качестве коронного

блюда презентовала нечто под названием «шопский салат», рецепт которого ей дали товарищи из Болгарии.

Когда прибыли гости – начальник отдела оборонной промышленности горкома партии и председатель горисполкома с женами, – Лариса вздохнула с облегчением. Она оделась совершенно правильно. Это не официальный прием, просто ужин в кругу старых друзей, поэтому только чуть наряднее, чем в будни, вещи хорошие, но не самые лучшие. И духи она тоже выбрала такие, как надо, как положено молодой жене молодого перспективного руководителя. Ей пока только «Клима», а «Шанель» для этих крупитчатых женщин. И шубок, как у них, ей пока не полагается.

Ведь самый главный принцип – это не лезть вперед, не подпрыгивать и не хватать то, до чего ты еще не дорос. Лучше взять чуть меньше, но и не слишком мало, чтобы не подумали, будто ты играешь не по правилам.

Лариса взглянула на свекровь, которая, широко улыбаясь, рассаживала гостей в столовой. Удивительная женщина, уже к семидесяти, а она все еще красива. Стройная, подтянутая, с прямой спиной. На сухом и чуть резковатом лице почти нет морщин. Одета в широкие черные брюки и простую белую блузку, на шее – нитка жемчуга, вот и все, но гости в своих остродефицитных шмотках на ее фоне кажутся колхозницами.

Вот у кого надо поучиться такту и чувству меры! Свекор женился на Ангелине, когда она была начинающей артисткой, а он – молодым комсомольским вожаком. Когда люди счастливы в браке и по-настоящему любят друг друга, у них обычно и карьера спорится. Свекор быстро вырос в крупного партийного руководителя, а Ангелина Григорьевна стала очень известной артисткой и могла бы превратиться в звезду мирового уровня, такую как Любовь Орлова, но делать этого не стала. Разве может быть у простого завсектором ЦК супруга – кинозвезда? У генерального секретаря простая тетеха, а у какой-то мелкой сошки звезда? Впору закричать, как гоголевский Городничий: «Смотри! Не по чину берешь!»

Как только стало ясно, что перед мужем открываются блестящие перспективы, Ангелина Григорьевна перестала сниматься, посвятила себя преподавательской работе во ВГИКе. Жена-профессор – это можно. Это хорошо. Респектабельно, скромно и не так раздражает глыбообразных вышестоящих жен.

Свекровь продумывает каждую мелочь. Кажется, простой ужин в семейном и дружеском кругу, но меню составлено просто виртуозно. Ничего не жаль для таких дорогих гостей, но с другой стороны, ни в коем случае нельзя показать, что у тебя более высокий уровень обслуживания, чем у них, и ты имеешь доступ к чему-то большему. Нельзя, чтобы вышестоящие думали, что ты хочешь урвать их кусок, а нижестоящие завидовали слишком сильно. Но и совсем скромничать тоже нельзя, наоборот, нужно демонстрировать, что ты зависишь от своих привилегий, как алкоголик от вина, и ради них сделаешь все что угодно. Иначе система не может тебе доверять.

Три года назад Никита стал директором крупного научно-производственного объединения. Большой пост, но занял он его всего в тридцать два года. Многие номенклатурщики всю жизнь идут к тому, с чего он начал, поэтому не грех быть чуть поскромнее других, примерить на себя образ молодого демократичного руководителя. Не «волга», а «жигули», квартира хоть трехкомнатная на двоих, но небольшая и не рядом с «нашей ленинградской», а в новом доме. И простенький шалашик в дачном поселке вместе с другими трудящимися. А молодая жена – обычная аспирантка в ЛГУ, ездит на троллейбусе и о шубе даже не мечтает. Всем видно, что Никита не просто сынок, который дорвался. Нет, он занял директорский пост, потому что компетентный специалист и талантливый руководитель, а не потому что высокопоставленный папа нашел способ пристроить чадо к номенклатурной кормушке.

Эти тонкости чувствуют только женщины, поэтому так важно, чтобы жена была из ближнего круга. Поэтому, наверное, родители мужа и любят свою невестку, хоть она до сих пор не подарила им внука. Зато она понимает нюансы и постоянно в них совершенствуется.

Взять хоть пирожки. На первый взгляд, ничего особенного, а на самом деле четкое послание: «Мой муж выше ваших по должности, но я не погнушалась собственными руками приготовить для вас еду. Видите, я считаю вас равными себе и жду ответной любезности».

Лариса усмехнулась. Странно, что еще полгода назад эти дурацкие условности восхищали ее, и умение в них разбираться представлялось настоящей светской тонкостью. А ведь если вдуматься, обычное лицемерие, ничего больше.

Тут она поймала встревоженный взгляд Ангелины Григорьевны и заставила себя улыбнуться. Будем надеяться, что отрешенность сойдет за скромность.

После ужина дамы по английскому обычаю перешли в гостиную, а мужчины остались за столом с бутылкой коньяка.

Лариса хотела убрать остатки еды и помыть посуду, но Ангелина Григорьевна мягко приобняла ее за талию:

- Не надо, деточка.

- Но...

- Без «но». Привыкай быть хозяйкой, – свекровь оглянулась и, убедившись, что в кухне никого, кроме них, нет, негромко продолжала: – Скоро Никиту должны сделать замминистра. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

- Правда?

- Вопрос практически решен. Боюсь, милая, девочку придется оставить в прошлом, пора тебе становиться дамой, моя дорогая.

- Но чай давайте все-таки я подам.

- Да, так будет правильно. Ты здесь самая молодая и не гостья, а член семьи. А мужчинам, если не трудно, отнеси кофе в столовую, чтобы они могли спокойно поговорить о делах.

Лариса кивнула и принялась снаряжать сервировочный столик на колесиках.

Ангелина Григорьевна хотела вернуться к гостям, но с порога вдруг вернулась и внимательно посмотрела Ларисе в лицо:

- Ты будто не рада, деточка?

- Что вы, Ангелина Григорьевна! – пробормотала Лариса. – Просто не хочу спугнуть. Мало ли что...

- Медведь если еще и не убит, то смертельно ранен точно.

– А этот кошмар?

– Что, деточка?

– Этот кошмар не помешает?

– Ну что ты... Никита – директор, его дело выполнять план, а о политико-моральном состоянии сотрудников пусть у партийных органов голова болит. Это им придется отвечать, что развели такую грязь в своих рядах.

Свекровь потрепала ее по щеке и ушла в гостиную, а Лариса взяла большой фарфоровый чайник и насыпала заварки из жестяной коробки, с которой на нее пристально смотрел индус в чалме.

– Такие дела, – сказала Лариса индусу, глубоко вдохнула терпкий аромат чайного листа и захлопнула крышку.

Пока чайник закипал, она ставила на сервировочный столик нарезанный «Наполеон» и вазочки с конфетами. Хорошо, что свекровь позволила ей немножко побыть одной, чтобы осознать новость, хотя это и не бог весть какой сюрприз. Так планировалось с самого начала: Никита проявит себя на должности директора предприятия всесоюзного значения, наверху оценят его талант руководителя и пригласят в центральный аппарат. Уезжая с мужем в Ленинград, Лариса знала, что это ненадолго, но думала, что успеет защитить диссертацию здесь. Ей казалось, НПО должно под началом мужа триумфально перевыполнить хоть один пятилетний план, чтобы его признали гением управления. Но, видимо, наверху и так насчет Никиты все ясно.

Она – жена, и ее дело любить мужа и радоваться его стремительной карьере, а что да почему, ее не касается. Главное, она вернется в Москву, снова будет жить рядом с родителями и любимыми подружками, не говоря о том, что замминистра – это уже совсем другой уровень, чем директор НПО. Да, сейчас она имеет доступ к любым продуктам и не стоит в очередях, одежду и обувь тоже покупает в спецмагазинах, только вот готовить, стирать и гладить приходится самой, так же как и убирать, пусть и с помощью импортной техники. Что ж, после повышения Никиты эти заботы отпадут. У них появится обслуга. Какая-нибудь милая женщина средних лет, которая станет делать всю домашнюю

работу и постукивать наверх, а как без этого?

«Ну и стучи, – сердито бросила Лариса этой воображаемой женщине, – ничего ты на меня не накопишь!»

Закипевший чайник пронзительно свистнул, из носика вырвалась длинная и узкая струя пара, Лариса поскорее выключила газ, налила кипятка в фарфоровый чайник, надела на него аскетичный конус, заменяющий в этом доме вульгарную чайную бабу, и осторожно повезла сервировочный столик в гостиную. Посуда мелко и противно дребезжала.

Свекровь быстро встала и приняла у Ларисы столик на пороге комнаты, а невестку, коротко приобняв, усадила на диван. Тонкий жест. Ангелина Григорьевна о своем детстве темнит, недоговаривает, но воспитание получила явно не в совпартшколе.

Лариса вспомнила, как боялась представляться родителям жениха, а мама так просто обмирала от ужаса и, кажется, втайне мечтала, чтобы свадьба не состоялась.

Отец будущего мужа действительно оказался замкнутым и неприветливым человеком, зато Ангелина Григорьевна сразу заявила: «Я считаю, что родные люди должны поддерживать друг друга, а не мучить. Конечно, без некоторых шероховатостей мы вряд ли обойдемся, но классические дразги свекрови и невестки давайте оставим простолюдинам».

Вспомнив, как переглянулись при тех словах ее родители, Лариса невольно вздохнула. Когда она была маленькой, о таком немыслимо было даже заикнуться. Народ и партия в едином порыве стремятся к коммунизму, где не будет никакого деления на простых и непростых. Не дай бог проскользнет или кому-то просто покажется, что ты ставишь себя выше рабочего! Ты такой же, как все, только много и упорно трудился на благо общества.

А теперь высокомерие и снобизм вдруг перестали быть страшным грехом, особенно среди жен. Можно не только сказать «простые люди, плебеи, гегемон», но и носик при этом сморщить. В узком проверенном кругу, конечно. И аристократическими корнями, от которых раньше отрешивались, вдруг начали осторожно похваляться. Иносказательно, намеками, но течет, течет в нас

голубая кровь...

Ангелина Григорьевна молчит, не ввязывается в подобные разговоры, но ее породистое лицо с высокими скулами и изумительная осанка красноречиво свидетельствуют о благородном происхождении.

Лариса, очарованная красотой и добротой свекрови, страстно желала, чтобы ее ребенок оказался похож на бабушку со стороны мужа. Сам Никита больше пошел в отца, но недаром говорят, что все лучшее проявляется через поколение.

Пока долгожданная беременность не наступает, но врач сказал, что она здорова, просто слишком сконцентрировалась на проблеме, надо немного расслабиться, и все случится.

Расслабилась... Лариса вздрогнула. Если Ангелина Григорьевна узнает, чем занималась невестка, то сразу вышвырнет ее на улицу, как помойную кошку. И хоть развод – вещь в их кругу крайне нежелательная, муж на него решится. А родителям придется или отречься от дочери, или падать в грязь вместе с нею.

Нет, если узнают, то у нее один путь – самоубийство.

Господи, скорее бы уехать в Москву и родить наконец ребенка! Вдруг ужасное останется здесь, в Ленинграде, и не сможет укусить ее сквозь расстояние и материнство?

Лариса страстно надеялась, но в глубине души не верила, что сможет вернуться к прежней себе.

Тут свекровь легонько кашлянула, и Лариса спохватилась, что не сварила мужчинам кофе. Им, наверное, и коньяка вполне достаточно, но этикет есть этикет.

Лариса вернулась в кухню, радуясь, что можно не участвовать в пустом светском разговоре.

Кухня в «нашей ленинградской квартире» была большая, но неправильной формы, и от этого казалась тесной. Два узких высоких окна располагались будто

без всякой логики и выходили в темный тесный двор, лучше всего из них была видна глухая стена соседнего дома. Сейчас за стеклами была чуть присыпанная снегом темнота, но и днем кухня всегда казалась сумрачной, то ли из-за того, что солнцу непросто было заглянуть во двор-колодец, то ли от темного дерева кухонных шкафчиков.

Лариса любила родителей мужа, но в их ленинградской квартире ей почему-то всегда становилось холодно и неуютно.

Не будучи искушенной кофеманкой, Лариса просто насыпала молотый кофе в кастрюльку, налила крутого кипятка, подержала на маленьком огне до первого пузырька, энергично размешала и, подождав, пока основная гуща осядет, через ситечко перелила жидкость в высокий узкий кофейник с неправдоподобно длинным и тонким носиком.

Книзу белый цилиндрик чуть расширился и был украшен аскетическим меандром. К нему полагались такие же чашечки, слишком маленькие для мужских рук.

«С другой стороны, рюмки они как-то поднимают», – усмехнулась Лариса, ставя посуду на поднос.

Фарфор был легким и тонким, почти прозрачным, и в нем очень ясно чувствовалась готовность разлететься вдребезги от первого неосторожного движения. Лариса шла в столовую осторожными маленькими шажками, вцепившись в ручки подноса так, что побелели костяшки пальцев, и перевела дыхание, только когда поставила на стол драгоценную ношу.

– Спасибо, доченька, – воскликнул свекор, – присядь, выпей с нами.

Лариса покачала головой, растянув губы в плакатной улыбке. Выпив, хмурый и суровый свекор теплел и становился навязчиво-радушным. Мог обнять, расцеловать по-отечески вроде, но влажными губами. Умом она понимала, что ничего плохого в этом нет, но всякий раз ощущала неловкость, и становилось еще стыднее, что она не может это скрыть.

– Присядь, присядь! Давай, милая, уважь старика.

– Какой же вы старик, Иван Макарович! – Лариса быстро взглянула на мужа, надеясь, что он поможет ей выпутаться из неловкой ситуации, но Никита отвел глаза.

Выручил председатель горисполкома. Встав из-за стола, он зачем-то поцеловал Ларисе руку и, смеясь, заявил, что, когда в семье появляется автомобиль, жена должна учиться или водить, или пить с мужиками вместо мужа, но и то и другое надо делать постепенно.

Свекор протянул ей рюмку с, как он выразился, «гомеопатической дозой», Лариса чокнулась с мужчинами, проглотила несколько капель коньяку, в очередной раз удивилась, как вкус этого отвратительного пойла может приводить людей в экстаз, выслушала несколько слегка липких комплиментов, после чего ее отпустили.

Когда она вышла в коридор, мужчины возобновили прерванный разговор, и она вдруг услышала, как начальник отдела воскликнул: «Кто ж знал, что он окажется таким чудовищем!»

В животе взметнулась тяжелая горячая волна, как всякий раз, когда Лариса слышала о нем. Ноги обмякли, так что Ларисе пришлось опереться на комод и отдышаться.

Господи, неужели это не пройдет? Неужели только старость или смерть избавят ее от этого наваждения?

* * *

Ирина читала методичку по философии, а сама исподтишка наблюдала, как Кирилл жарит картошку.

– Узковата в плечах, – улыбнулась она.

– Что?

– Обычно говорят, что кухня узковата в бедрах. А тебе в плечах.

- Есть маленько. Кстати, я об этом и хотел...

Но тут вбежал Егорка:

- Кирилл, а ты по сольфеджио поможешь? Ой, а ты что, готовишь? Ничего себе! Прямо как девчонка!

- Как девчонка - это когда уставшая женщина тебя обслуживает, а ты балдеешь, - сказал Кирилл и помешал картошку.

- Я не балдею, - воскликнул Егор, обрадовавшись поводу повторить слово из тех, что не приветствовались в детском лексиконе.

- Ну и правильно! Мужчина все должен уметь делать.

- И пол мыть?

- Конечно. Думаешь, к нам в лодку для приборки десант мамок высаживался? Сами все...

- А папа никогда ничего дома не делал! - выпалил Егор.

Ирина поморщилась. У нее много накопилось претензий к бывшему мужу, но главная - что он не ушел на год раньше, когда Егор был еще слишком мал, чтобы запомнить отца.

- Твой папа очень много работал, - мягко сказал Кирилл, - и сильно уставал, зато мама благодаря этому могла больше времени посвящать дому.

- Да, - Ирина притянула к себе сына, - вот ты, например, сейчас много работаешь...

- Я?

- Ну а кто ж? Ты у нас работаешь в садике подготовишкой, и по совместительству ты ученик музыкальной школы. У тебя много дел, но если

захочешь помогать, то ничего плохого в этом нет.

– А-а... – протянул сын, – так я чего, могу картошку жарить?

– Конечно!

– Кирилл, а ты меня научишь?

– Без проблем.

Ирину немножко кольнуло, что сын обратился за наукой не к ней, а к Кириллу, но, взглянув на сковородку, она вынуждена была признать, что ребенок сделал правильный выбор.

Кирилл умел приготовить ровные золотистые ломтики с хрустящей корочкой, а у нее самой вечно получался неаппетитный конгломерат. Вот парадокс: сложные блюда она готовила отлично, а примитивную жареную картошку осилить никак не могла.

Методичка была написана на удивление невнятно, так что если и присутствовала в тексте какая-то логика, то Ирине постичь ее не удалось. Она отложила брошюру, заметив вдруг, что эта ересь напечатана на хорошей мелованной бумаге. Впрочем, оно и в университете так было. Весь марксизм-ленинизм выходил в роскошном исполнении, а действительно важные материалы издавались на серой оберточной бумаге, на которой терялись бледные буквы. Хотите стать хорошими специалистами – ломайте глаза, а ищите легких путей – двигайте в общественные науки. Можете быть полными дебилами, но если затвердите, что победа коммунизма неизбежна, то в жизни не пропадете. Будете людям вкручивать сей неопровержимый тезис с помощью таких вот идиотских методичек, и никто не посмеет вам сказать, что вы дурак.

Зато и ей можно не вникать в суть, главное, что учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Для кандидатского минимума этого будет довольно.

Упоминание бывшего мужа испортило ей настроение, поэтому Ирина решила накрыть на стол в комнате, чтоб взбодриться.

Развод – словно плохо сросшийся перелом. Чуть задень, и отзывается тупой досадной болью. Вот уже три года, как человек исчез из ее жизни, с легкостью разрешив самого себя от всех обязательств («Какой ему ребенок, Ирочка, он сам еще ребенок», – заявила свекровь, снисходительной улыбкой прикрывая раздражение, что невестка хочет навесить на ее ненаглядного сыночка какие-то взрослые заботы), а она все не успокоится.

«Жизнь невозможно повернуть назад», – поет Алла Пугачева, но мужчины, кажется, живут в волшебной стране, в которой сделать такое вполне реально. Высунуться ненадолго во взрослый мир, почувствовать себя неуютно и быстренько сбежать обратно в детство, под маминым крылом набираться сил для новой вылазки. А семью бросить и забыть. «Какой мне ребенок?»

Самое смешное, что Ирине приходится не только кормить, одевать и воспитывать, но и создание положительного образа отца тоже легло полностью на ее плечи. Придумывать, почему папа не приходит, вспоминать, какой он был хороший и как любил сына... Нести всякую чушь о том, что мама с папой – просто слишком разные люди... Любой бред, кроме того, что отец Егора – безответственный инфантильный подонок, предательство которого стоило ей слишком дорого.

Ирина достала льняную скатерть, которую привезла из Болгарии и стелила в торжественных случаях. Геометрический красно-черный узор на белом фоне вызывал у нее ощущение радости, как и «Венгерские танцы» Брамса, которые она могла слушать бесконечно.

Постелив скатерть, она взяла тарелки из сервиза, с неудовольствием заметив, что от редкого использования они покрылись тонким налетом пыли.

Со сладким чувством запретного удовольствия достала и коробку с мельхиоровыми столовыми приборами. Хорошие вещи принято беречь для гостей, а она вот возьмет и превратит в праздник самый обычный ужин! Разве детство в жопе может только у ее бывшего играть?

Ирина засмеялась и, накинув кофту, вышла на балкон, где в специальном ящике, который Кирилл называл рундуком, хранила многочисленные заготовки. Тоже полагалось беречь их «на праздники», как майонез и зеленый горошек, но Ирина решительно взяла литровую банку с баклажанами.

Поужинав и разомлев от вкусной еды, Егор быстро стал клевать носом, но после «Времени» показывали интересный фильм, и Ирина разрешила ему посмотреть. Они втроем забрались с ногами на диван, Ирина вместе с сыном увлеклась приключениями французской знати, а Кирилл делал вид, что тоже смотрит, а сам украдкой читал при свете ночника. Хороший, почти семейный вечер, но только вскоре Кириллу придется уходить – она не разрешала ему при сыне оставаться на ночь. Они встречались уже больше полугода, но ночевали вместе всего три раза, когда мать Ирины брала внука на выходные.

«Почти как с Валерием, – думала Ирина в печальные минуты, – только видимся почаще и от жены не прячемся, а по сути никакой разницы».

– Баклажаны были божественные, – сказал Кирилл, когда Ирина уложила сына.

– Там еще осталось.

Кирилл вдруг нахмурился и взял ее за руку:

– Ира, надо поговорить.

Сердце екнуло.

– О чем? – Кажется, безмятежная улыбка не получилась.

– Мне надо уехать.

– Понятно.

Она вдруг увидела, как в полированной дверце шкафа отражается силуэт поникшей, раздавленной женщины, и выпрямилась. Кирилл – хороший человек, вот и стесняется сказать, что она просто ему надоела. Ничего, она закаленная, выдержит и этот удар.

– Надолго, Ирочка. Месяца на три, а может, и дольше.

- Ну ясно.

- Я могу отказаться, если хочешь.

- Да зачем же? Поезжай.

Кирилл притянул ее к себе:

- Ир, это вроде как честь. Под Мурманском строится дворец культуры, и мне предложили сделать всю художественную ковку.

- Здорово, - она очень постаралась придать голосу воодушевление, но прозвучало все равно жалко.

- И архитектор тоже хочет, чтобы именно я воплотил в чугуне его творческие замыслы, - улыбнулся Кирилл, - звучит нескромно, но говорю как есть.

- Рада за тебя.

- Ира, если ты против, то я останусь.

- Я не против.

- Точно?

Она кивнула.

- Мне даже жаль, что ты так легко меня отпускаешь. Все-таки три месяца - немалый срок.

- Время летит быстро.

- Это да... Но Мурманск же совсем рядом, только чуть дальше Москвы. Может, вы с Егором ко мне на каникулы приедете, а в другой раз я возьму пару отгулов и сам к тебе метнусь.

– Я чайник поставлю.

Ирина быстро вышла в кухню, чтобы скрыть набежавшие едкие слезы. Может, и метнется. Один раз. А потом вольная жизнь, север, снега, романтика. Девушка с сияющими глазами в меховом капоре. Игра в снежки и морозные поцелуи, когда снежинки не тают на губах.

Накануне она как раз прочитала повесть Алексина «Поздний ребенок» и удивлялась, как родные сумели так взнудать несчастного парнишку, чтобы он таскал на себе все их проблемы и душевные сложности, но главное, основная сюжетная линия строилась вокруг старой девы, которой наконец выпал шанс создать семью. Только у отца случился инфаркт, и она осталась за ним ухаживать, а не поехала с женихом в длительную командировку. Естественно, жених, оказавшись на вольном выпасе, немедленно нашел там любовь всей своей жизни.

«Так будет и со мной, – вздохнула Ирина, – вне всякого сомнения».

Она вытерла глаза уголочком кухонного полотенца. Услышала за спиной скрип половиц: Кирилл подошел и обнял ее.

– Ну Ир... Ну что ты...

– Все в порядке, Кирилл, – сказала она фальшивым ломким голосом.

– Промелькнет как одна секунда, и мы снова будем вместе.

– Да. Через три месяца. Или никогда.

– Хорошо, я не поеду.

– Зачем такие жертвы?

– Прямо скажешь, жертвы! – засмеялся Кирилл. – Так-то мне все равно, где молотом стучать, что там, что здесь. Тут даже еще и лучше, сессию пропускать не придется.

– Кирилл, пожалуйста, делай, как тебе нужно. Я девушка самостоятельная.

Ирина осеклась, почувствовав, что от последней фразы невыносимо разит колхозом.

– Так я и хотел ехать, чтобы это изменить.

– В смысле?

– Я хочу, чтобы мы поженились, Ира. Ты как?

Сердце екнуло. Неужели? Или она ослышалась? Не так поняла?

Она села на табуретку и крепко стиснула руки в замок, чтобы не было видно, как они дрожат.

– Ну что, Ир?

Кирилл опустился перед ней на корточки, но все равно не получилось у него, высоченного, заглянуть ей в лицо снизу вверх.

– Это так неожиданно, – проямлила Ирина.

Кирилл улыбнулся:

– Да? А мне кажется, самое время. Только я хотел сначала сгонять в эту командировку, чтобы подрубить денег.

– Зачем? Меня тошнит от пышных свадеб, Кирилл.

– Согласен. Но я думал про жилье.

Он выпрямился, стукнувшись спиной об угол раковины.

– Правильно говоришь, узковата в плечах!

Кирилл сказал, что не решался делать предложение, потому что идти примаком к жене ему неловко, а переселять их с ребенком в свою коммуналку – тоже не вариант. Кое-какие деньги у него отложены с тех пор, как он был фронтменом рок-группы «Мутабор». Попав под суд, он обнаружил, что товарищи его – люди ненадежные, чтобы не сказать подлые, и закончил карьеру рокера, но как кузнец ручнойковки зарабатывал очень хорошо, так что мог откладывать с каждой зарплаты. Процесс первичного накопления капитала шел не так быстро, как ему хотелось бы, но тут очень кстати подвернулся заказ на этот дворец культуры.

– С такой суммой мы сразу получим простор для маневра, – азартно восклицал Кирилл, – если продадим гараж, то сможем просто одну из моих бабусек отселить в отдельную квартиру, и у нас будут две комнаты в коммуналке с единственной и очень милой соседкой. Или, если хочешь, обменяем твою квартиру и мою комнату на трешку. В общем, вариантов будет море.

Ирина поежилась. Кирилл говорил все правильно, но этот прагматизм почему-то насторожил ее.

– В такой торжественный момент я хотела бы услышать, как ты меня любишь, а не маклерские схемы.

– Прости, пожалуйста!

– И подумай хорошенько, действительно ли ты хочешь жениться на разведенке с ребенком, которая к тому же еще на четыре года тебя старше. Поразмысли над этим вопросом как следует, потому что, Кирилл, если я три месяца буду ждать тебя как невеста, а ты не вернешься, это будет слишком больно.

Кирилл нахмурился и сел на табуретку, скрестив руки перед собой. Он долго молчал, так что Ирина успела испугаться, что он сейчас уйдет.

– Глупо получилось, – сказал он наконец, – без цветов, без ничего такого. Просто мне казалось, что это ясно нам обоим.

– Что ясно?

– Что мы хотим пожениться.

Ирина опустила глаза. Ей вдруг стало тоскливо и стыдно за свою жизнь, в которой неясно, что если мужчина и женщина ложатся в постель, то они хотят пожениться. Вскипело жгучее чувство унижения и презрения к себе самой за то, что встречалась с чужим мужем и, наслушавшись от него лживых обещаний, не верит теперь в искренность Кирилла. И зачем-то вымещает на нем свое женское разочарование.

– Правда, подумай, дорогой. Я не так уж хороша.

– И я не так хорош.

– Ты прекрасен.

– И ты тоже.

– Кирилл, может, ты чувствуешь какие-то обязательства передо мной?

– В смысле?

– Ну считаешь, что раз я тебя оправдала, то ты не имеешь права меня бросить...

Кирилл взял ее за руку:

– Ира, милая, конечно же я не забыл, кому обязан жизнью. Я восхищаюсь тобой, но любовь – это совсем другое дело... Вот черт! – выпятив нижнюю губу, он энергично почесал макушку, отчего жесткие русые волосы стали дыбом. – Черт, я ж без пяти минут филолог, можно сказать, мастер слова, а тебе не знаю как сказать! Сукно какое-то выходит. Когда меня судили, я был уверен, что все кончится плохо, минутами даже хотелось, чтобы просто вывели в расстрельный коридор, и все, без этого фарса, в котором я выступаю как объект всеобщего презрения и ненависти. Я был опозорен и на девяносто процентов мертв, но после первого дня суда, засыпая в камере, вдруг поймал себя на мысли, что жду чего-то хорошего от завтрашнего дня. Такое было почти детское предвкушение радости, я даже удивился и не сразу понял, что это потому, что завтра я снова увижу тебя. Я тогда не знал, какая ты судья, просто хотел на тебя смотреть,

и все. Ну а потом уж... – Кирилл улыбнулся, – потом появилась робкая надежда, что ты мне поверишь.

– Кирилл, если бы я просто так верила людям, то не смогла бы работать судьей. Я оправдала тебя, потому что не нашли подтверждения факты, на которых строилось обвинение, а вовсе не потому, что ты красивый мужчина с честными глазами.

– Я понял.

– Ты уж извини, Кирилл, профессиональная деформация.

– Бывает.

Вдруг погас свет. Ирина подошла к окну: на улице тоже воцарилась тьма, черные очертания соседних домов едва угадывались в лучах тусклой маленькой луны. Фонари погасли, и поздние прохожие будто сразу исчезли, растворились в темноте. Только два луча от фар одинокой машины освещали маленький кусочек дороги. Ирине стало неуютно, но тут рука Кирилла успокаивающей тяжестью легла ей на плечи.

– Хорошо, что я дома, – прошептала она, – с тобой.

Представив, каково сейчас припоздлившейся женщине, Ирина поежилась. Бежать по совершенно темной улице, спешить в темный подъезд, который будто специально спроектирован так, чтобы убийца мог расположиться в нем с максимальным комфортом, потом подниматься по неосвещенной лестнице и на площадке в кромешной тьме искать ключи, зная, что в любую секунду тебя могут убить, а квартиру – ограбить. Даже если и успеешь закричать – без толку. Никто не шелохнется, разве что проверит, надежно ли заперта его собственная дверь.

Настоящий убийца девушек был найден только через три месяца после оправдания Кирилла, и все это время Ирина сомневалась – не выпустила ли она на свободу монстра? Не перевесила ли детская жажда самостоятельности здравый смысл и справедливость? Тогда крепко давили на весь состав суда, так вдруг она просто взбрыкнула и ушла в оправдательный уклон?

Не один и не два раза просыпалась Ирина среди ночи с бешено колотящимся сердцем и пересохшим ртом и думала, что если ошиблась, то будет виновата в смерти следующей девушки в той же степени, как если бы убила ее собственными руками.

Тогда она стала интересоваться судебной практикой в делах маньяков, или «сексуалов», как их называли опера. Что ж, обычно обвинения строились на более убедительных уликах, чем в случае Кирилла, но по-настоящему поразило ее другое. До поимки эти чудовища действовали годами, иногда десятилетиями и попадались, как правило, случайно.

Они убивали не на каком-нибудь глухом хуторе, не на охотничьей заимке, а в крупных городах, где кипит жизнь. Ночью активность граждан снижается, но никогда не замирает совсем. Всегда кто-то возвращается с ночной смены или из гостей, не спит молодая мать, убаюкивая возле окна свое дитя, старики перебирают в памяти прошлое, «Скорая помощь» спешит на вызов к больному человеку, шагают по улицам милицейские патрули... И никто ничего не видит и не слышит.

Люди ведь существа любопытные, с удовольствием суют свои носы в сокровенные тайны сослуживцев и соседей, точно знают, с кем, когда и как блудит Светка из соседнего подъезда, но когда Светку убивают – о, тут гражданам нечего сообщить.

Тот маньяк, за преступления которого хотели осудить Кирилла, убивал быстро и профессионально, одним ударом ножа, но он такой был один. Остальные мучили и насиловали своих жертв, что невозможно сделать в одну секунду и абсолютно тихо. Всегда есть риск, что кто-то услышит или заметит подозрительную возню в кустах под окном. Но темная жажда смерти пересиливала все другие инстинкты: маньяки действовали в парадных, во дворах, на самой кромке парков. Экспертизы показывали, что жертвы сопротивлялись и звали на помощь, но не находилось у них не только спасителей, но и свидетелей.

А может быть, зря она обвиняет граждан в равнодушии. Есть смельчаки, которые бросаются на помощь, отбивают жертву у хищника, а дальше нет тела – нет дела. Если злоумышленнику удастся сбежать, то в милиции отмахиваются от таких заявителей. Может, напал, а может, просто познакомиться хотел, а ты сама неправильно поняла. Или галлюцинации у тебя, или врешь, чтобы привлечь

к себе внимание. Может, тебе не в милицию, тебе к доктору надо? Под любым предлогом не регистрируют случай, чтобы не портить статистику, и, зная такую манеру, многие люди не обращаются, даже если серьезно пострадали. Ибо могут просто отфутболить, а могут и на тебя что-нибудь повесить, если станешь настаивать. Пару лет назад у знакомой Ирины в метро срезали сумку, в которой среди всякой женской ерунды лежал паспорт. Она обратилась в ближайшее отделение, где ее долго мурыжил оперативник, убеждая написать заявление, что она паспорт просто потеряла. Факт кражи он так и не зафиксировал. Подруга поняла, что дело безнадежное, и поехала домой, решив, что на сегодня с нее общения с государственной машиной достаточно. Она предвкушала долгое и нудное сидение в очередях в паспортном столе, как тут ей позвонила уборщица из кафе и сообщила, что нашла паспорт в унитазе и готова вернуть его за вознаграждение в три рубля. Знакомая с радостью согласилась. Паспорт оказался несколько подпорчен водой, но девушка работала в Эрмитаже, так что тамошние квалифицированные реставраторы быстро вернули документу первоначальный вид.

Обидно, что через уборщицу клубок можно было размотать, для этого оперативнику следовало всего лишь оторвать зад от стула, но кроме попустительства карманникам лентяй нанес и другой, неочевидный вред. Теперь, если что-то произойдет с женщиной или с ее близкими, то они не пойдут в милицию, зная, что только потеряют там время и нарвутся на хамство.

Что ж, чувство незащитности и беспомощности для граждан, вероятно, хорошо. Быстрее будут поворачиваться, строя коммунизм.

Господи, о чем она только думает! Любимый мужчина сделал ей предложение, а она... Профессиональная деформация в тяжелой форме!

Она зябко повела плечами.

- Скоро дадут свет, - сказал Кирилл.

- И так хорошо, - Ирина крепко прижалась к нему.

- Так ты согласна?

- Да.

Они вернулись в комнату. Из-за темноты пробирались медленно, на ощупь, натываясь на углы и хихикая. Залезли на диван и крепко обнялись, натянув на себя плед.

– Жаль, что Егор спит, – сказал Кирилл, – сейчас бы поиграли с ним в Апокалипсис. Будто мы остались последние люди на Земле.

Ирина засмеялась. В густой тьме было не видно, что показывают часы, но и так ясно, что времени до закрытия метро остается совсем немного.

Неужели скоро они поженятся и не надо будет расставаться на ночь? Только Ирина слишком хорошо знала горький вкус несбывшихся надежд...

Она чувствовала, что Кирилл рвется в эту командировку не только и не столько из-за денег. Он – человек творческий и хочет выполнить интересный заказ. Искусство важнее денег, но, ей-богу, они оказались бы очень нелишними для начала семейной жизни. У нее квартира хоть и двухкомнатная, но тесная. Вдвоем с сыном им тут хорошо, а богатырю Кириллу не развернуться. Если повесит турник в дверном проеме, то каждый раз, подтягиваясь, будет стучаться головой о потолок. Они не обсуждали, но он, как любой нормальный человек, хочет детей, может быть, двоих. Конечно, надо жилье попросторнее, и лучше сразу. Не рассчитывать, кого куда прописать, чтобы встать на очередь, и не стоять в этой очереди пятнадцать лет, поставив жизнь на паузу, а потом обнаружить, что она все-таки прошла...

Почти у каждого гражданина, помимо общего светлого будущего, есть свое персональное светленькое будущенькое, счастливенькое завтрачко. Он ждет очереди на отдельную квартиру, на машину, на румынскую стенку... И очереди на чужого мужа, бывает, тоже ждет. Время в ожидании течет будто не по-настоящему, человек застревает в предбаннике жизни, откладывая все сегодняшние радости в копилку главной мечты.

Ирина вспомнила свои пыльные сервизные тарелки. Нет, баста! Все прошло, прошло: и предательство мужа, и ложь любовника, и бесплодное ожидание завтрашнего счастья. Пусть Кирилл едет, работает, воплощает в жизнь фантазии архитектора, а она тем временем будет радоваться, каждый день стелить нарядную скатерть и есть из красивой посуды. Начнет потихоньку подыскивать варианты, все же обмен с доплатой... Все так делают, но с точки

зрения закона ситуация скользкая. Самое лучшее – уговорить старушек обменяться на две отдельные квартиры, которые можно выкроить из ее двушки и приличной доплаты. Кирилл зарабатывает, да и у нее кое-что есть. Не густо, но все же не ноль.

Надежда Георгиевна говорит, что финансы – это показатель счастья. Когда в семье все хорошо, то и деньги всегда есть, а если люди несчастливы, то сколько бы ни зарабатывали, у них вечно долги и нищета. Глупость, конечно, но факт есть факт: когда была любовницей Валерия, то деньги утекали как вода в песок. Ирина пила (ей мучительно стыдно было об этом думать, а не помнить тоже нельзя: если она забудет, что у нее начальная стадия алкоголизма, то в конце концов сопьется). Но средства уходили не только на вино. Она постоянно баловала себя кофе, покупала у спекулянтов хорошую косметику, духи и белье, чтобы нравиться любовнику, делала ему дорогие подарки.

Теперь все иначе. Она не притрагивается к алкоголю, вместо кофе пьет напиток «Летний» и разницы почти не чувствует. Тоже горячий и горький, а что еще нужно?

И косметики почему-то уходит в разы меньше, и белья хватает, и колготки чудесным образом не рвутся.

Мятые трешки для сантехников остаются в ее кошельке – Кирилл все делает сам. А ведь раньше ей приходилось покупать бутылку соседу, чтобы помог снять люстру и карнизы во время генеральной уборки.

Летом Ирина завела сберкнижку и стала откладывать туда по тридцатке в месяц, а иногда выходило и побольше.

Поздновато она взялась за ум, и воспоминания о пропитых деньгах неприятно холодили сердце, но лучше поздно, чем никогда. Отложенного, может, и не хватит для размена, но на ремонт пойдет.

Тут Кирилл покрепче прижал ее к себе:

– Ир, ты о чем задумалась?

- Прикидываю варианты обмена.

- То есть мне ехать?

- Ну конечно! Деньги вообще-то тлен, но мировая культура не простит, если я тебя не отпущу.

- Скажешь тоже, - приосанился Кирилл.

- Не кокетничай. Всем известно, что ты - лучший.

- Слушай, а можно ж расписаться до моего отъезда?

- В принципе, да. В исключительных случаях заведующий загсом дает разрешение не ждать месяц.

- Ну вот... Покажем мое командировочное, и дело в шляпе.

Ирина поежилась. Неужели мечты сбываются и в дом приходит настоящее счастье? Она - судья, заведующего загсом всяко уломает, и уже через неделю на пальце появится вождеденное колечко. Клеймо разведенки исчезнет, и на новое место работы она придет с гордо поднятой головой и сама станет чуть свысока смотреть на одиноких женщин.

А главное - не придется целых три месяца трястись от страха: вдруг обманет, вдруг передумает? Вдруг не вернется? Неизвестно, как там обстоит дело с телефонной связью, но даже если и отлично и они смогут разговаривать каждый вечер, все равно через треск и помехи она будет вслушиваться в голос возлюбленного с болезненной настороженностью - а не звонит ли он только по обязанности? Почему так быстро прощается? Просто устал или появилась другая?

Если не поженятся сейчас, то все время разлуки она проведет на горячей сковородке. Сердце будет скакать и корчиться, как одинокий ломтик картошки.

Да, завтра с утра надо потрянуть связями, найти выход на свой загс или загс Кирилла...

Тут Ирина вспомнила, как требовала от любовника, чтобы он женился на ней в обмен на обвинительный приговор Кириллу. Лицо окатило краской стыда, слава богу, что нет света, и Кирилл ничего не видит. У нее даже слезы на глазах выступили от осознания, какой она была жалкой.

В ее жизни была грязь. Развод на совести мужа, тут она ничем себя не запятнала, а вот связь с женатым – другое дело. Она добровольно согласилась на унижительную роль любовницы, страстно мечтала разбить чужую семью, и был момент, когда она была готова осудить невинного ради того, чтобы получить вожаемый статус законной жены. Стыдно вспоминать, и, наверное, полностью от этой грязи ей уже не отмыться, но хотя бы можно закрыть ее в укромном уголке сердца, а не тянуть, не размазывать по новым отношениям.

Болезненную недоверчивость необходимо преодолеть. Ну или хотя бы молча перетерпеть. Кирилл не должен расплачиваться за ее прошлое.

Пусть ведет под венец любящую счастливую женщину, а не потасканную бабу, вцепившуюся в свой последний шанс как вошь в овчину.

– Я очень хочу, чтобы мы поскорее поженились, – она взъерошила густые волосы Кирилла, – но только не украдкой. Мы же ничего ни у кого не отнимаем, зачем нам спешить и прятаться?

* * *

Вера Ивановна брела на работу. За ночь потеплело, снег на тротуарах превратился в серую кашу, но самое противное – начали проседать высокие сугробы по обочинам дорог, и возле поребриков на перекрестках заплескались широкие грязные лужи, перешагнуть которые было невозможно. Вера Ивановна попробовала прыгнуть, как идущая рядом девушка, но не вышло, и нога угодила в воду. К сожалению, сапог на этой ноге давно просил каши, но Вере Ивановне удалось убедить себя, что подметка отошла всего лишь чуть-чуть, и это совершенно незаметно.

Нести такое старье в починку было стыдно, и Вера Ивановна надеялась, что как-нибудь дотянет до весны. Только похоже, что нет.

Придется или прочесывать магазины в надежде, что выбросят импортные сапоги, или купить скороходовские опорки, то есть окончательно и бесповоротно поставить на себе крест как на женщине. Есть еще вариант обратиться к спекулянтам, но она никого из этого мира не знает, да и денег столько не наберет. Для нее импортные сапоги даже по госцене – жуткое расточительство.

Вера Ивановна вздохнула, почувствовав, как в сапоге захлюпала вода – ощущение, в общем, привычное. Впереди шла девушка в ярких сапожках из клеенки. Такая обувь появилась совсем недавно, и в народе ее стали называть дутиками, бахилами и луноходами. Снаружи – резина или непромокаемая ткань, внутри – теплый войлочный сапожок. Яркие цвета, голенище иногда украшают картинки. Тепло, красиво, удобно, только не достать. Вере Ивановне, слава богу, удалось в страшной давке урвать такие сапожки для дочери, а себе – нет. Давали как обычно, по штуке в одни руки, да и денег у нее на две пары не было.

Господи, неужели нельзя в город, где слякоть как минимум четыре месяца в году, а снег убирать никто не хочет, завезти достаточное количество теплой непромокаемой обуви, чтобы трудящиеся ходили с сухими ногами и не простужались?

Вера Ивановна нарочно заставляла себя думать про сапоги, чтобы отвлечься от действительно грустных мыслей. Скоро дочь уедет, и она останется совсем одна.

Абсолютно, стопроцентно одинока, выкинута на обочину жизни.

В носу защипало. Что ж, в утренних сумерках никто не обратит внимания на плачущую грузную тетку средних лет. Никому она неинтересна, так что можно реветь в полное свое удовольствие.

Но слезы завязли где-то на полпути. Безднадежность как цемент, сковывает все чувства.

Если бы двадцать лет назад кто-нибудь сказал бы ей, что все кончится именно так, Вера Ивановна или ни за что не поверила бы, или наложила на себя руки, не стала бы дожидаться своего превращения в никому не нужную старуху.

Впереди показался двухэтажный особнячок. На взгляд Веры Ивановны – ничего особенного, обычный домик в стиле классицизма, но управление охраны памятников архитектуры никак не могло решить, брать домик под свое крыло или не нужно.

Впрочем, Веру Ивановну это не касалось. Она подошла к тяжелой обшарпанной дубовой двери и заметила, что от темно-красной таблички, оповещающей, что здесь располагается юридическая консультация, отвалилась буква.

Ничего страшного, след буквы остался, но солидности поубавилось.

Вера Ивановна хмыкнула.

Рядом с особнячком располагался крошечный скверик. Наверное, раньше здесь был дом, но его разбомбило во время войны, а восстанавливать не стали.

Маленький садик едва вмещал в себя две скамейки, куст сирени и детские качели.

Сейчас там курили два новеньких адвоката, девушка и юноша. На взгляд Веры Ивановны, слишком энергичные и самоуверенные, она сама никогда такой не была. Все время прислушивалась к мнению старших коллег, лишний раз рта не открывала. Зря... Да что там, вся жизнь зря!

До начала работы оставалось еще пятнадцать минут, и Вера Ивановна, человек некурящий, вдруг подошла к ребятам и стрельнула сигаретку.

Девушка небрежным жестом протянула ей раскрытую пачку «Мальборо», а молодой человек дал прикурить от зажигалки.

Вера Ивановна неловко затянулась, закашлялась, а ребята быстро ушли. Наверное, не хотели, чтобы их видели в компании пожилой неудачницы.

Свободным, раскованным жестом девушка закинула за плечо конец длинного шарфа и потрянула распущенными волосами, как молодая лошадка гривой. Это заставило Веру Ивановну улыбнуться. Наглой она никогда не была, но юной и сильной – еще как!

Тоже гордо откидывала голову и смеялась, как эта девушка. Но только счастье кончилось так быстро...

Вера вышла замуж на последнем курсе университета за лейтенанта милиции, с которым познакомилась во время следственной практики, и была так с ним счастлива, что становилось страшно. Слушая жалобы подружек на пьянство и измены мужей, вспоминая скандалы собственных родителей, Вера не понимала, чем заслужила, что у нее все иначе. Почему муж в редкие свободные вечера не остается пропустить по кружечке с друзьями, а бежит встречать ее с работы, покупает ей без повода цветы, а главное, почему им интересно вместе, а вместо криков и ругани в доме звучит смех?

Наверное, этими мыслями она и накликала беду: когда дочке Танечке не исполнилось еще двух лет, муж погиб, преследуя жестокого убийцу.

Вера тогда будто заледенела. Стояла возле закрытого гроба и не верила, что прощается с мужем навсегда. Похороны казались ей глупой церемонией, после которой муж вернется домой и все пойдет, как прежде. Ей ведь даже не дали увидеть его тело, потому что убийца расстреливал милиционеров из дробовика.

Вера осталась вдвоем с ребенком. На поминках начальство мужа и его друзья обнимали ее, целовали троекратно по русскому обычаю и клялись, что не оставят жену и дочь погибшего товарища. «Воспитаем!», «Поднимем!», «Поставим на ноги!», «Не дадим пропасть!» – восклицали они сначала решительно, а потом с пьяной мутной слезой в голосе.

И действительно, какое-то время позванивали, скидывались Тане на день рождения и на Новый год, но вскоре обзавелись собственными семьями. А какой жене понравится, когда муж приятельствует с вдовой друга? Прикинув, что тоже была бы не в восторге от подобной ситуации, Вера Ивановна с полным пониманием отнеслась к тому, что друзья юности исчезли из ее жизни.

Родители жили в Калининграде, а лучшая подруга вышла замуж за военного и уехала служить в ГДР, вот и вышло, что рядом не осталось никого близких.

Жизнь Веры сосредоточилась вокруг дочери. И снова ей было странно слушать рассказы коллег о чудовищно избалованных детях-грубиянах, которые ленятся, хамят, не желают учиться и помогать по дому, а родителей в грош не ставят.

Они с Таней жили душа в душу. Судьба одарила Веру прекрасной дочерью, доброй, умной и любящей.

«Ничего, что у меня не вышло, – думала Вера Ивановна, – зато у Танечки все получится. Она обязательно встретит хорошего человека, нарожает деток, а я буду помогать. Встречу старость в большой семье».

Пока Таня была маленькая, Вера Ивановна и не помышляла о том, чтобы выйти замуж второй раз. Заботы о дочери поглощали все ее время, а помогать было некому, и самое главное – она не могла забыть мужа. Встречались на ее пути хорошие мужики, но отвечать на их вялый интерес казалось Вере Ивановне предательством, и не только мужа, но и самой себя. Она знала настоящую любовь, чистую, крепкую и искреннюю, и уже не сможет опуститься до унылой связи двух равнодушных усталых людей.

Когда Таня пошла в школу, Вера Ивановна решилась на роман с помощником прокурора, с которым часто сталкивалась в суде. Он был хороший человек и, кажется, почти любил ее. Вера подумала что-то вроде: «а почему бы и нет?» – и однажды вечером отправилась к нему в гости. И не смогла. Влажные губы, светлые руки, мятые простыни – все это оказалось таким чужим и нечистым, что она убежала.

Пусть воспоминания о счастье останутся в неприкосновенности.

Существование одинокой матери и ребенка редко бывает изобильным. Вера зарабатывала скромно и все тратила на Таню. Она не ущемляла себя, наоборот, была счастлива, когда наряжала дочку, кормила фруктами и водила на уроки английского языка.

Сама ела что попало, ходила в обносках и совершенно не переживала по этому поводу.

«Танина очередь жить, – думала она, – я была счастлива, а теперь ее время».

Естественно, вскоре она из молодой интересной женщины превратилась в обрюзгшую тетеху и не смогла бы привлечь мужчину, даже если бы и захотела.

Только Вера Ивановна не хотела и окончательно махнула на себя рукой.

Главное, что Таня красавица и выглядит на все сто.

Настолько хорошо выглядит, что влюбила в себя иностранца и теперь собирается за него замуж.

В четвертом классе дочь записалась в секцию конькобежного спорта. Головокружительных успехов не добила, но кандидата в мастера набегала. В результате поступила в институт Лесгафта, хотя Вера Ивановна мечтала о более фундаментальном образовании.

Молодые спортсмены не только соревнуются, но и активно выступают за мир во всем мире. На одной такой как бы неформальной встрече Таня познакомилась с конькобежцем из Норвегии по имени Хен. Вера Ивановна даже посмеялась – как это живого человека могут звать Хен? Но вскоре стало не до веселья.

Целый месяц телефон каждый вечер разражался быстрыми частыми звонками, Таня неслась к трубке, а Вера Ивановна скрывалась в кухне, чтобы не мешать влюбленным. Впрочем, она и так ничего не поняла бы, потому что разговаривали на английском, но все равно лучше не стоять над душой у влюбленной девушки.

Потом Хен прилетел на выходные, или, как у них говорят, «уик-энд».

Вера Ивановна была рада, что дочь влюблена и чувство это взаимно, но беспокоилась, как бы контакты с гражданином капстраны не подпортили Тане будущую карьеру, только долго волноваться об этом ей не пришлось. Вскоре Таня привела Хена домой в качестве жениха.

Представившись потенциальной теще, парень улетел домой, а в следующий уик-энд на пороге возникли его родители.

Только тут Вера Ивановна сообразила, что у ребят все серьезно.

Хен понравился ей, и родители его тоже показались хорошими людьми, а главное, Вера Ивановна доверяла Тане. Если дочь говорит, что счастлива, значит, так и есть. Девочка не так воспитана, чтобы терпеть дурное обращение

и унижаться ради брака с иностранцем.

Остается только благословить ее и отпустить в Норвегию, к парню по имени Хен и его симпатичным предкам. Вера Ивановна пыталась закинуть удочку на предмет счастливой жизни молодой семьи на родине, но Таня только засмеялась и сказала: «Мам, я патриотка, но не сумасшедшая».

И дело тут даже не в душной атмосфере, не в лживой идеологии, а в самых банальных, привычных для Веры Ивановны с Таней и немыслимых для сытого норвежского мальчика Хена вещах.

На загнивающем Западе молодой муж, выходя утром в туалет, никогда не встретит на своем пути заспанную толстую тещу в ночнушке. Никогда не поймет, что не может поужинать рыбой, как просил, не потому, что жена поленилась, а просто рыбы в магазине нет. А как постичь, что после рабочего дня тебе нельзя сразу идти домой к семье? Вместо этого ты как дурак должен высидывать на комсомольском собрании, слушать всякий бред и голосовать за людей, которых не знаешь, причем результаты этого бдения никак не влияют на трудовой процесс, а зря потраченное время не оплачивается.

Любовь Хена сильна, но все же не стоит подвергать ее такому испытанию, как жизнь в СССР.

Таня говорит, что Осло совсем близко, меньше полутора тысяч километров, а если считать в милях, то еще меньше. Они смогут часто видеться, навещать друг друга каждый месяц. Почти как если бы Таня переехала к мужу в другой район. А когда они с Хеном встанут на ноги, то заберут маму к себе, если она захочет.

Вера Ивановна кивала, но не верила в эти идиллические картинки.

Они с родителями Хена преодолевали языковой барьер с помощью улыбок, жестов и Таниного перевода, но Вера Ивановна уловила основную идею: супруги ничего не имеют против Тани и даже очень рады такой милой невестке, но жениться в двадцать пять лет – это в принципе рано. Первое время молодоженам придется нелегко.

Вера Ивановна только руками развела. Ей было известно, что в капстранах помогать взрослым детям не принято. Что ж, это правильно, они с мужем тоже сами бултыхались, и ничего. Для семейной жизни полезно хлебнуть нищеты, это сплачивает супругов, жаль только, что юные женатые студенты не могут гонять на выходные в другую страну к старушке-матери.

А дадут ли ей загранпаспорт, еще большой вопрос. Скажут, что гражданка СССР, воспитавшая предательницу родины, не достойна представлять советский народ за рубежом, и все. И не возразишь.

Так что, если раз в год они увидятся, это будет уже большое счастье.

Потом у Тани пойдут дети, ее внуки, которых она увидит только на фотографиях. А Таня потихоньку привыкнет общаться с мамой по телефону. Сначала через день, потом раз в неделю, потом еще реже...

Может, запретить? Расстроить свадьбу?

Вера Ивановна неумело глотнула горький дым и снова закашлялась.

Не так уж это невозможно, как кажется на первый взгляд.

Сначала озвучить все свои опасения. Рассказать, что закон о запрещении браков с иностранцами отменили совсем недавно, а живем мы в стране, в которой слова «не запрещено», «разрешено» и «можно» отнюдь не являются синонимами. Да, сейчас полегче, но все равно без визы КГБ никто брак не регистрирует. Возьмут и откажут, но про тебя уже не забудут никогда. Станешь у них числиться как неблагонадежная. Или еще до кагэбэшников твои товарищи тебе крылья подрежут. Скажут, что ты недостойна высокого звания комсомолки, а значит, и учиться в вузе тоже незачем. Исключат и из ВЛКСМ, и из института, разрешение на брак не дадут, и что ты будешь делать? Куда пойдешь? Стоит ли рисковать будущим? А если и распишут вдруг, что дальше? Молодые, разбежитесь, и придется тебе возвращаться в Союз с в?о-о-от таким пятном на биографии. Карьеру ты уже не построишь, хоть разбейся, и замуж тебя возьмет после иностранца далеко не всякий. А если с ребеночком будешь, то точно никто не позарится. Доучиться в институте не дадут, а если вдруг и получится восстановиться, то только на заочное, но смысла в этом немного, ибо тебя все равно не примут ни в одну спортшколу на работу, даже в занюханную путягу

физруком не возьмут. Чему ты сможешь научить советских детей? Иностранцев охмурять? Спасибо, не надо!

Стоит ли так рисковать ради чужого мужика, который поматросит и бросит? Нет, если он действительно тебя любит, то это он должен переехать в Советский Союз и разделить с тобой все тяготы быта, а если не готов, то грош цена и ему, и его великой любви! Мужик обязательно предаст, уйдет из семьи, в крайнем случае, если уж очень хороший, то рано умрет. И ты останешься одна. Другое дело мать! Мать всегда рядом, всегда поддержит и утешит! Никто и никогда тебя не будет любить так, как родная мать!

Посеять сомнения, а дальше жать на любимую педаль – чувство долга. Я ради тебя все, спала вполглаза, ела вполкуски! Конечно, глядя на мою обширную пятую точку, этого не скажешь, но тем не менее! Я света белого не видела из-за твоих болезней, не состоялась как адвокат, отказалась от личного счастья, только чтобы тебе было хорошо! Не жила, всем жертвовала ради тебя, чтобы ты... Что? Тоже не жила? Тоже отказалась от всего?

Вера Ивановна усмехнулась. Стратегия подействует. Таня выберет мать. Погорюет, но вскоре первая любовь забудется, и она встретит нормального советского парня и построит нормальную советскую семью, в которой матери найдется достойное место.

А что появится между ними натянутость, холодок, так ничего страшного, зато будут рядом. Плох тот родитель, который не загубил мечту своего ребенка.

Вера Ивановна храбрилась, но сильно сомневалась, что сможет повернуть эту комбинацию.

Пока она думала, сигарета догорела как-то сама собой, так что жаром от уголька припекло пальцы. Вера Ивановна очнулась и выбросила окурочек в тяжелую бетонную урну, из которой залихватски торчали горлышки пивных бутылок.

Пора на работу. На любимую и интересную работу, в которой ей так и не удалось добиться успеха.

Утверждать, что Вера Ивановна не состоялась в профессии только из-за дочери, значило слегка погрешить против истины.

Да, ей приходилось часто уходить на больничный, отпрашиваться в садик и школу на собрания и концерты, и дома она ломала голову над Таниными задачками, а не над делами своих подзащитных.

Но Таня росла, хлопот с ней поубавилось, а Вера Ивановна так и застряла в адвокатах по назначению. Она оказывала населению юридические консультации, выступала с обязательными лекциями, повышая правосознание граждан, и защищала в суде всяких алкашей. И весьма неплохо защищала, только это все оставалось незамеченным никем, в том числе и самими алкашами, которые считали, что просто повезло, судья добрый попался.

Коллеги не то чтобы держали ее за дуру, но как-то получилось, что она осталась для них чужой. Будто чернокожая сотрудница после отмены расового неравенства в Америке: вроде бы такая же, как все, с таким же дипломом и опытом, но все-таки негритянка.

С ней были вежливы, любезны, но никогда не спрашивали ее мнения или совета, а когда она выступала на заседании коллегии, то чувство было такое, будто говорит в пустоту.

Впрочем, Вера Ивановна никогда не была амбициозной и не слишком хорошо понимала выражения «уметь подать себя» и «заявить о себе». Всегда было стыдно себя выпячивать и подчеркивать свои заслуги. Она просто добросовестно работала и ждала, когда руководство заметит ее старания. Не заметило.

Так и придется ей до самой пенсии заниматься всякой ерундой.

А потом доживать в пустоте, забвении и одиночестве. Лучше, наверное, умереть на работе, не дожидаясь пенсии, – хоть какой-то шанс на достойные похороны.

Большой зал был перегорожен стеллажами на тесные секции. Вера Ивановна вошла в свою, сняла промокшие сапоги и с наслаждением прислонила ступни к батарее.

Озябшие пальцы приятно заняли от тепла, но Вера Ивановна не успела этим насладиться, потому что к ней заглянул руководитель консультации.

Она быстро повернулась и спрятала босые ноги за тумбу письменного стола.

Думала, что Борис Михайлович попросит бумагу и уйдет, но он вдруг уселся на стул для посетителей и внимательно заглянул ей в глаза.

– Вера Ивановна, у меня к вам серьезный разговор, – сказал он с непривычно вкрадчивой интонацией.

Она вздрогнула. Неужели хочет исключить ее из коллегии? Но за что? И зачем? Она же такая удобная, во всех бочках затычка! Кто вместо нее будет сидеть на приеме граждан и читать лекции?

Под внимательным и неправдоподобно ласковым взглядом руководителя Вера Ивановна вспомнила, что у нее на чулке, где большой палец ноги, поехали петли. Она закрепила их Таниным лаком для ногтей, но все равно надо поскорее обуться, только туфли задвинуты очень глубоко под стол, ногой не дотянешься.

Борис Михайлович любил долгие интригующие паузы, но даже для него это было слишком.

– Слушаю вас, – сказала она.

– Хочу поручить вам дело Еремеева.

– Нет, ни за что!

– Вера Ивановна...

– Нет!

– Зачем же так пугаться? Сами подумайте, кому еще я могу доверить это дело? Только такому грамотному, опытному и кристально честному адвокату, как вы.

– Спасибо, но нет.

– Голубушка, я вас просто не узнаю!

Да уж, слово «нет» коллеги от нее слышали нечасто.

Вера Ивановна решительно нагнулась, вытащила туфли из-под стола и сунула в них ноги.

– Вы, наверное, забыли, что мой муж погиб от руки такого же чудовища, – сказала она, – поэтому простите, но я не смогу защищать этого урода.

Борис Михайлович изобразил на лице сочувствие, но вставать не торопился.

– Да я даже не смогу выстроить линию защиты, потому что не вижу, какие у него в принципе могут быть смягчающие обстоятельства. К стенке поставить, да и все, и то это слишком легкое наказание для него будет. Я бы таким вообще публичные казни устраивала, как в Средние века.

Борис Михайлович делано рассмеялся: ах, раньше он никогда не замечал за Верой Ивановной подобной кровожадности. «Да раньше ты и не разговаривал никогда со мной!» – подумала она.

– Вы можете просить о смягчении наказания в связи с боевыми заслугами подсудимого и тем, что он является инвалидом войны.

– А я не считаю, что это должно повлиять. Если бы в нашем законодательстве было предусмотрено пожизненное заключение, то да, но позволить этому ублюдку отсидеть пятнадцать лет, а потом выйти и убивать дальше, только потому, что он отличился в Афганистане... Нет уж, простите, но нет. Еще и неизвестно, действительно ли он там был такой герой или ему орден по знакомству дали.

– И глаз выбили тоже по знакомству?

– Это вообще не показатель, – расхрабрилась Вера Ивановна, – сами знаете, как у нас принято: наказание невиновных и награждение не участвовавших.

- Ну что вы такое говорите, голубушка моя!

- Правду, на которую мы все так любим закрывать глаза. Вы знаете, Борис Михайлович, что мой муж погиб как герой, но не получил посмертно ни ордена, ни медали. Ничего! Зато на людей, которые ни разу не встречались с преступниками лицом к лицу, проливается дождь наград. Еремеев, наверное, был в обойме, вот его и отправили в зону боевых действий. Поболтайся там маленько, поотсвечивай, а мы тебе орден за чужие подвиги.

- Вера Ивановна, дорогая, откуда такой цинизм?

- Реализм, Борис Михайлович! Да пусть даже я и не права и Еремеев действительно отличился в Афгане, разве родителям убитых ребят от этого легче? Герой он или не герой, но он не старый человек, вот что важно. Через пятнадцать лет он выйдет еще вполне себе дееспособным мужиком и снова станет убивать. Вспомните, Смирнова судили за одно убийство не потому, что невозможно было доказать остальные, а просто не хотелось признавать, что у нас существуют точно такие же маньяки, как и на загнивающем Западе. Вот его и не пристрелили, как бешеную собаку, а дали девять лет. В колонии он вел себя хорошо, поэтому вышел через семь и тут же принялся убивать снова, но только с большей наглостью. В самом деле, чего стесняться, если у нас самый гуманный суд в мире? Борис Михайлович, я каждый день думаю, что если бы Смирнова казнили сразу, то мой муж и пять ни в чем не повинных девочек были бы сейчас живы... Подумайте, они бы выросли, построили семьи, были бы счастливы... Их родители сейчас нянчили бы внуков!

- Да, в этом случае цена гуманности оказалась слишком высока, - вздохнул Борис Михайлович, - но с другой стороны, Смирнов получил такое мягкое наказание не потому, что у него был очень хороший адвокат, а в результате недобросовестного расследования.

- И что это меняет? - выпалила Вера Ивановна и стушевалась. Все-таки нельзя так дерзко...

- Позвольте напомнить вам, голубушка, что задача советского защитника состоит не в том, чтобы позволить преступнику увильнуть от наказания, а в обеспечении социалистической законности. Я вовсе не призываю вас поступиться справедливостью ради гуманности, но если мы присуждаем

человеку высшую меру, то должны быть твердо убеждены в том, что наказываем именно виновного, и наказываем заслуженно. Согласен с вами, что гуманность не должна превалировать над справедливостью, но еще опаснее, когда побеждает жажда мести.

- Тут с вами трудно спорить.

- Вот именно. Процесс без адвоката - это по сути самосуд.

Вера Ивановна вздохнула. Когда-то, в счастливые времена, представляющиеся теперь сном или чьей-то чужой жизнью, у мужа был близкий друг - врач. Однажды зашел разговор о том, что медики обязаны сообщать в полицию обо всех пострадавших от насильственных действий. Оказалось, что это разумное и полезное правило появилось во время Июньской революции во Франции. Полиция через врачей хотела вычислить, кто выходил на баррикады. Поначалу это распоряжение вызвало бурное негодование докторов, а потом прижилось и помогло разоблачить многих настоящих преступников. Друг тогда сказал, что врач обязан лечить всех, независимо от того, хороший человек или нет. «И даже Гитлера? - удивился муж. - То есть, если у Гитлера будет аппендицит, ты прооперируешь ипустишь?» - «Конечно, это мой долг». - «А вот Гитлер тебе в случае чего аппендицит вырезать бы не стал!» - «Так поэтому они фашисты, а мы нет!» - спокойно сказал доктор.

Так что прав Борис Михайлович. Еремеев - убийца, а мы - нет, поэтому отправить человека на смерть имеем право только с полным соблюдением законности.

Только почему именно ей выпала эта сомнительная честь? Да, в общем, ясно. Сейчас Борис Михайлович скажет, что ей давно пора заявить о себе и процесс Еремеева выведет ее на новый уровень, только это наглая ложь. Защита жестокого убийцы, скрывавшегося под личиной крупного комсомольского работника, ни при каких обстоятельствах не поможет карьере. Просто ей нечего терять, в отличие от других адвокатов.

- А почему он не взял маститого защитника? Насколько я знаю, на высоких комсомольских должностях получают неплохо, должно было бы хватить на великолепного адвоката.

Борис Михайлович развел руками.

– Странно жадничать, когда речь идет о твоей жизни.

– Вот и спросите у него!

Борис Михайлович начал раздражаться. Видно, не ожидал встретить от нее сопротивления, даже такого робкого.

Вера Ивановна вздохнула. Можно упереться, но руководитель – человек злопамятный. Голубушка голубушкой, а как подгадить – всегда найдет.

Да и если по-честному, то слишком уж она сроднилась со своими алкашами и хулиганами. Интересно хоть раз прикоснуться к большой юриспруденции, защищать секретаря комсомольской организации НПО «Аврора», человека, который в обычной жизни не снизошел бы до общения с жалкой неудачницей.

Но когда Таня уедет к мужу, для Веры Ивановны все будет кончено. Появятся родственники за границей, и не всякий алкоголик доверит свою судьбу женщине, которая не сумела как следует воспитать собственную дочь.

– Только я не буду просить для него меньше, чем он заслужил, – отчеканила Вера Ивановна, – а заслужил он расстрел.

– Вот и хорошо.

Выходя, Борис Михайлович вдруг обернулся и с лукавой улыбкой произнес:

– Ведь знали же сразу, что согласитесь! Ах, Вера Ивановна, голубушка, поверьте, строптивость вам не идет!

* * *

Ирина чувствовала себя такой счастливой, что это ее пугало. Не то чтобы она верила, что счастье продлится вечно, нет. Прекрасно знала, что в любой момент все может рухнуть, но первый раз в жизни ее сердце отказывалось покидать гавань спокойствия и безмятежности ради того, чтобы попасть в шторм тревог о событиях, которые еще не произошли.

«Жизнь есть жизнь, – думала Ирина весело, – и, конечно, он уйдет от меня к молодой и дерзкой женщине, может, такой же рокерше, как он сам, ну и пусть. Но у меня останется несколько по-настоящему прожитых дней, наполненных сегодняшним счастьем, а не завтрашними надеждами и вчерашними разочарованиями».

Станным образом грезы о будущей жизни с Кириллом, о свадьбе, о том, как она родит детей от этого сильного и отважного мужчины, все эти мечты тоже были сегодняшним счастьем.

Бледное зимнее солнце казалось ей по-весеннему теплым и ласковым, а мир внезапно обрел новые краски. В привычном дребезжании трамвая вдруг стала слышаться мелодия, голые ветви деревьев, с которых от оттепели стаял снег, сплетались на фоне неба в чудесные узоры, а полурастаявший лед на Фонтанке заворачивал, как старинное серебро. Потом оттепель прошла, и набережную тронуло инеем, будто присыпало крупной солью гранит и любимый Ириной терракотовый дом с белыми колоннами.

Внезапно грянувший морозец расписал и высокие окна строгого фасада городского суда. Раньше Ирина только посетовала бы на холод, но теперь с детской радостью разглядывала чудесные узоры.

Кто-то говорил ей, что не бывает двух одинаковых снежинок, и она ждала снегопада, чтобы это проверить.

«Если завтра не наступит, то сегодня я жила», – думала она весело.

Находясь в таком приподнятом настроении, Ирина думала о новой работе меньше всего. Ее только что приняли в городской суд – серьезный шаг вверх по карьерной лестнице, но по сравнению с тем, что Кирилл сделал предложение, это ничего не значило. Признаться он двумя неделями раньше, она, скорее всего, отказалась бы от предложенной должности – на дорогу в городской суд и обратно уходит два часа, бесценное время, которое лучше посвящать семье, а не толканию в городском транспорте.

Ну ничего! Даст бог, скоро она уйдет в декрет, а потом сразу во второй.

Ирина надеялась, что ей дадут как следует освоиться на новом месте и поначалу не станут нагружать сложными делами, но председатель суда решил сразу бросить новую сотрудницу в самую гущу.

Не успела она познакомиться с коллегами и запомнить, как кого зовут, как ей на стол упало дело Еремеева, жестокого убийцы, почти два года отнимавшего жизни у юношей.

Оказывается, у Ирины Андреевны есть уникальный опыт рассмотрения такого рода дел, она внимательная, умная, честная, справедливая, можно сказать, живое воплощение Фемиды. Кому же судить Еремеева, как не ей?

Ирина сделала вид, что верит в искренность этого панегирика, и поблагодарила за оказанное доверие, но на душе кошки заскребли. Не надо быть слишком умной, чтобы понять, что просто так судить комсомольского бога ей никто не даст. Странно, что дело вообще дошло до суда. Неужели нашелся такой целеустремленный следователь, у которого жажда справедливости пересилила амбиции и даже инстинкт самосохранения? Процессуально самостоятельное лицо ничего не побоялось и ни на что не соблазнилось? Уникальный случай!

Интересно, ее назначили на этот процесс потому, что она самая молодая и самая новая судья и ее не жалко или из-за оправдательного приговора, который она вынесла Кириллу?

Видите, какая прекрасная судья, не отправила на смерть невиновного, значит, и в этот раз не ошибется. Не виноват Еремеев.

А вот с обнаглевшим следователем мы разберемся! И по партийной линии ему вlepим, и неполное служебное, а то и вовсе под статью подведем, чтобы не смел хвост задирать на комсомольских вождей! А то сегодня комсомол, а завтра что? Неровен час и партийного работника привлечь посмеют! Нельзя так, граждане! Что-то святое у людей должно оставаться!

Редкое свободное время Ирина посвящала чтению исторических романов. Она самозабвенно сдавала макулатуру в вагончик, стыдливо притаившийся в соседнем дворе, и копила талоны, чтобы в один прекрасный день получить долгожданный томик Дюма в переплете, обтянутом сероватой материей. Двадцать килограмм макулатуры на одну книгу наскрести бывало непросто:

пришлось пропустить Конан Дойла и «Черного консула», но Дюма она выкупала любой ценой. Немножко было стыдно перед сестрой, коллегами и особенно перед Кириллом, что у нее такие примитивные литературные вкусы, поэтому Ирина ставила любимые книжечки во второй ряд на книжных полках и не делилась впечатлениями от прочитанного, но в глубине души считала, что Александр Дюма и Артур Конан Дойл напрасно считаются среди интеллигенции недоклассиками, а то и бульварным чтивом. В их книгах она почерпнула много ценной информации к размышлению.

Ирина нахмурилась, пытаясь вспомнить, в каком романе, у Дюма или у другого автора, читала про Марию Стюарт. Как Елизавета отдала приказ казнить ее, а потом поняла, какая ужасная это оказалась ошибка: показать народу, что королевская кровь может пролиться, как и всякая другая.

Советская власть с партийными органами как бы противоположны монархии, являются ее антиподом. Как бы власть народа и из народа. Только вот высшая властная и особенно партийная верхушка так же недосыгаема для простых людей, как была царская семья и высшая аристократия. Они – небожители и должны оставаться такими в глазах обывателей.

Пусть Еремеев – чудовище, но он номенклатура. Член клана высших, значит, чудовищем быть не может.

Значит, его придется оправдать. Обречь на смерть новые жертвы, потому что маньяк не способен остановиться. А заодно окончательно вбить гвоздь в гроб карьеры принципиального следователя.

Ирина вздохнула. Кой черт занес ее на эти галеры? Зачем не сиделось в районном суде, где такие процессы бывают раз в жизни, а чаще никогда?

Эх, выпала она из реальности, забыла, как делаются дела и, как ворона из басни, наслушавшись льстивых речей, выронила свой сыр.

Разве видела она хоть один профессиональный взлет, состоявшийся благодаря личным качествам и высокой компетентности? Так почему решила, что в ее случае это сработает? Почему забыла, что без должной поддержки ты являешься всего лишь разменной монетой, пешкой в чужой игре?

Ирина с тоской посмотрела на толстые папки дела, которое предстояло внимательно изучить. Может, ну его? Она же учится в заочной аспирантуре, так почему бы не попроситься у научного руководителя на должность ассистента? Деньги там смешные, конечно, но зато душевное спокойствие и никакой ответственности за чужую жизнь.

Мечты, мечты... А пока вот это. Ирина протянула руку к аккуратно переплетенному тому. Посмотрим, чем отличился товарищ Еремеев помимо активной комсомольской работы.

Насильственная смерть молодых людей настораживает меньше, чем гибель женщин и детей. Разум парней находится в железных тисках полового созревания, гормоны бушуют и вынуждают ребят не только приставать к девушкам, но и ввязываться в разнообразные драчки. И чем меньше удастся первое, тем больше уделяется времени второму.

Насильственная смерть юноши обычно расценивается как результат конфликта со сверстниками, а исчезновение вызывает, конечно, тревогу, но до последнего думается, что парень подался на поиски счастья и приключений.

Ленинград – большой город, и населяет его далеко не сплошь старая питерская интеллигенция. Хватает и алкоголиков, и откровенных маргиналов, и просто неблагополучных семей, детям в которых приходится самим о себе заботиться.

И разве удивительно, что парень, устав от побоев потерявшего человеческий облик отца и равнодушия матери, сбегает от чадающего семейного очага за лучшей жизнью? А что странного, когда в массовой драке убивают пэтэушника? Пусть драки этой никто не видел и не слышал и у друзей нет следов побоев, так разве они дураки сами на себя мокруху вешать?

А вот в подворотне найден мальчик из приличной семьи. Он не пил, не курил, занимался у репетитора, чтобы поступить в медицинский институт. Странная смерть? Да нисколечко! Поперся поздно вечером через глухой двор, вот и получил от местной гопоты!

И снова отсутствие свидетелей никого не удивляет. Люди знают: изобличишь одного юного бандита, десять его дружков так тебе наваляют, что обо всем

забудешь. Милиция еще неизвестно, почешется ли, а ребяташки отреагируют с похвальной оперативностью. Нет, моя хата с краю.

Так бы Еремеев и прятался в густой тени подростковой жестокости, если бы десятого сентября в милицию не позвонил некий грибник с заявлением, что обнаружил в лесопарке чей-то труп. Он толково объяснил, как милиционерам найти захоронение, оставил ориентиры в виде наколотой на сучок пачки из-под «Космоса», а непосредственно возле останков повязал на дерево свой шейный платок.

Милиционеры быстро обнаружили тело, но грибника к тому времени и след простыл. Проверили – никакой Константин Иванович Семенов по названному адресу не проживал.

Шейный платок и пачку отправили на экспертизу, которая не дала никаких зацепок – ни следов биологического происхождения, ни отпечатков пальцев. Платок вообще выглядел так, будто только что из магазина.

Впрочем, поведение лже-Семенова особых подозрений не вызывало. Лишний раз попадать в поле зрения милиции никому неохота. Чуть менее сознательный гражданин, обнаружив труп, просто ретировался бы, а этот не пожалел собственного шарфа, чтобы сообщить о преступлении. Судя по состоянию тела, парнишка был убит не позже июля, так что вряд ли грибник имел к этому какое-то отношение, вот и не стали тратить ресурсы на его поиски.

Лесопарк был больше лесом, чем парком, но формально находился в черте города, поэтому на место происшествия выехала городская бригада во главе со следователем Ижевским, и в дальнейшем дело оставили у него в производстве.

Из вещественных доказательств интерес представляла только маленькая плоская фляжка из нержавеющей стали с гравировкой: «Как жили мы борясь и смерти не боясь, так и отныне жить тебе и мне»[1 - Слова из фильма «Не бойся, я с тобой», автор слов А. Дидуров.].

Ирина поежилась. Рядом с телом юноши, почти ребенка, только готовящегося жить, эта надпись выглядела до непристойности глумливой эпитафией.

Она отложила дело и, зябко обхватив себя за плечи, прошлась по кабинету. Запредельный цинизм находки пробирал до костей, оставалось надеяться, что родители парнишки не узнали, что именно было выгравировано на главном вещдоке.

Эти строки принадлежат прекрасному поэту Алексею Дидурову, которого Кирилл просто обожает и страстно мечтает с ним когда-нибудь познакомиться. Зачем они оказались на фляжке убийцы? Теперь она не сможет слушать песни из фильма «Не бойся, я с тобой», а они такие хорошие...

Тут в голову вдруг пришла странная и неприятная мысль. Не надо Кириллу ни с кем знакомиться, снова окунаться в эту, может, и талантливую, но полуподвальную среду. Пусть реализует свой поэтический дар как-нибудь другим способом, потому что парень-рокер – это престижно и весело, а рокер-муж немножечко другое дело. Сейчас власть с величественной снисходительностью игнорирует рок-движение, но все равно бывают стычки, драки и приводы в милицию. И хоть смеются интеллигентные люди над официальной пропагандой, но толика истины в ней есть, и не такая уж малая. Наркотики и свободная любовь – куда без этого творческому человеку? Прираститься к сей гадости можно не только по юношеской дури, Ирина сама чуть не спилась в тридцать лет, ну а про секс и говорить нечего. В этой, как выражается Кирилл, тусовке всегда есть девушки, которые только и мечтают, чтобы их оприходовал известный рок-музыкант. Хоть разочек и по пьяни, а все лучше, чем ничего.

Ирине совсем чуть-чуть осталось до превращения из молодой женщины в даму средних лет, а Кирилл, если продолжит сочинять свои хватаящие за душу песни, то до семидесяти будет кумиром молодежи, вечно юным дедулей, бодрым стариком. В плане секса он может вести себя по принципу королевы Виктории, которая садилась не глядя, есть ли позади нее стул.

Надо сделать все, что в ее силах, лишь бы Кирилл не вернулся к старым друзьям.

Раз решил жениться, пусть превращается в солидного семейного обывателя. Настает время, когда от пламени юности должны остаться теплые угольки, греющие человека всю оставшуюся жизнь.

Улыбнувшись своему неуклюжему афоризму, Ирина сделала несколько приседаний, чтобы разогнать кровь, и вернулась за стол. Как ни грустно, но на работе нужно работать, а не мечтать о будущей семейной идиллии.

Итак, фляжка, какие продаются в сувенирных отделах крупных универмагов. В некоторых сидит гравер, ну а если и нет, не беда. Гравировку можно заказать в каждом доме быта. Оперативники обошли все известные им точки, но никто не вспомнил, чтобы выполнял такой заказ. Ах, насколько бы неизвестные дарители облегчили работу следствию, если бы вместо стихов написали бы на фляжке кому и от кого, как в «Собаке Баскервилей» сделали коллеги доктора Мортимера по Чаринг-Кросскому госпиталю. А пока след никуда не вел. Дактилоскопическая экспертиза выявила много пригодных для идентификации отпечатков пальцев, но в картотеке они не числились и до появления реального подозреваемого были бесполезны.

Отработка связей погибшего юноши ничего не дала. Он приехал из Архангельска поступать в университет и пропал, едва успев заселиться в общежитие в качестве абитуриента. Нажить себе врагов в Ленинграде он просто не успел, а версия убийства с целью ограбления тоже выглядела довольно бледно.

Неужели кто-то так ненавидел парня, что приехал по его душу с малой родины?

На всякий случай Ижевский отправил запрос в Архангельск, а сам, получив результаты судебно-медицинской экспертизы, стал изучать другие уголовные дела об убийствах молодых людей и в результате вычислил, что в городе уже почти два года орудует маньяк.

Объектом интереса преступника являются юноши от шестнадцати до двадцати лет. Он подстерегает ребят в безлюдных местах, оглушает ударом по голове, а потом душит руками. Тела сбрасывает в кюветы, строительные котлованы, разрытые участки дорог, но не слишком озабочен их сокрытием.

Бог знает каких трудов стоило Ижевскому добиться, чтобы признали, что убийства совершены одним и тем же человеком, и разрешили объединить у себя дела.

Наверняка выдержал шквал оскорблений и угроз, прежде чем достиг цели.

Маньяков никто не любит. Из-за отсутствия связи с жертвами вычислить их очень трудно, и чаще всего они попадают или случайно, или на месте преступления, когда, обнаглев от безнаказанности, забывают всякую осторожность.

С другой стороны, такие дела сразу попадают на контроль в вышестоящие инстанции, от следователей и оперативников требуют немедленного раскрытия, а тем временем информация непостижимым образом просачивается в народ.

Люди вдруг начинают задумываться, а так ли хороша и эффективна власть, которая не в состоянии защитить их детей от душегуба-одиночки. Начинается волнение. В Ленинграде обычно кончается перешептываниями и душным кухонным брожением, а в маленьких городах, где все друг друга знают, доходит и до неповиновения власти и до самосуда.

Поэтому, если существование маньяка приходится признать официально, то на органы следствия начинают оказывать жестокое давление.

Чтобы избежать этого, правоохранительные органы тянут до последнего.

А тут, надо же, не успел Ижевский заподозрить работу маньяка, как ему сразу же позволили объединить дела и разрабатывать версию.

По результатам судебно-медицинских экспертиз четверо юношей с высокой долей вероятности были убиты одним человеком, насчет двух случаев врачи колебались, а сколько жертв маньяка среди пропавших мальчиков – один бог знает.

Ижевский отработал на отлично. Он провел долгие беседы с родственниками и друзьями погибших.

Следователь и оперативники прошли по школам и училищам с лекциями, где призывали ребят к осторожности и просили рассказать, если с ними случалось что-то подозрительное.

Потрясли и дежурную службу – вдруг кончик ниточки отыщется среди отфутболенных заявлений граждан?

Труд оказался не напрасным. В медицинском училище один парень вдруг вспомнил, что видел своего однокурсника за несколько дней до исчезновения вместе с каким-то неизвестным мужиком. На резонный вопрос, почему не сказал сразу, парень ответил, что тогда был уверен, что Серега подался в бега. Здесь-то ему ловить было нечего, кроме папашиных пьяных побоев и двоек по большинству предметов. Лицо мужчины свидетель, естественно, не запомнил, но кроссовки «Адидас», джинсы и яркая синяя куртка намертво врезались в его память. Мужик был «плотно упакован в фирму», поэтому юноша логично заключил, что опасность от него исходить не может. Да и вообще не приучен он ментам стучать, но раз такое дело...

Раскололся и молоденький оперативный дежурный. В самом начале сентября в отделение прибежал взъерошенный юноша и заявил, что во дворе на него напал какой-то человек, вцепился в одежду. К счастью, куртка у парня была расстегнута, он сбросил ее, вырвался и убежал. Мужчина пробовал за ним гнаться, но отстал, когда юноша выскочил на улицу.

Разумеется, заводить глухое дело никто не рвался, поэтому парня успокоили, и два сотрудника ППС проводили его сначала до места нападения – так, осмотреться на всякий случай, не увидели абсолютно ничего подозрительного, в том числе скинутой куртки, и отвели ребенка домой, где сдали на руки матери.

К счастью, они запомнили адрес, а парень не обижался на милицию, даже стыдился немножко, что струхнул и побеспокоил занятых людей из-за ерунды. Все произошло быстро, но парень все же сумел разглядеть одну важную деталь: у нападавшего не было одного глаза. Когда преступник схватил его за ворот, юноша обернулся, на секунду увидел лицо преступника, которое от страха запечатлелось в памяти, и сразу кинулся бежать не оглядываясь, так что ни про возраст, ни про рост, ни про одежду ничего сообщить не мог.

Но одноглазый – это уже очень много.

Теперь перед оперативниками стояла вполне конкретная задача: найти хорошо одетого одноглазого человека, которому дарили флягу с гравировкой.

Каждый раз, думая об этой фляжке, Ирина чувствовала смутную тревогу, будто привычный гвоздь в ботинке снова начинал мешать.

Негодьям тоже делают памятные подарки, бывает, и с гравировками, но тексты обычно казенные и сухие.

А здесь теплое, живое, личное. Люди выбрали строки из душевного стихотворения и решили ими поделиться с товарищем, приободрить его в трудную минуту.

Значит, искренне любили своего друга.

Неужели жестокий зверь может притворяться хорошим любящим человеком?

Тут ее размышления прервала быстрая трель телефонного звонка. Межгород. Ирина схватила трубку, но это оказался не Кирилл, а Надежда Георгиевна.

Ирина завопила от радости:

– Как вы там, дорогая моя? Домой-то не думаете?

– Ой, что вы, Ирочка! Тут благодать! Господи! Снега! Вулканы! Олени прямо живые! Аньке впечатлений на всю жизнь! – Надежда Георгиевна засмеялась. – Она у меня, представляете, на собачьих упряжках гоняет! Девка стала – кровь с молоком, вы бы видели!

– А учеба как же?

– Ну а я-то, Ирочка, на что? Вывожу на уровень! Такая тут благодать... Приезжайте ко мне, милая, вы влюбитесь в эту землю.

Ирина улыбнулась.

– Ленинградская прописка сохраняется, кстати, – весело уточнила Надежда Георгиевна, – так что мой бывший муженек со своей мамочкой сто раз обосрут нас с Анькой выписывать. Ну это ладно, вы, главное, как? Что новенького у вас?

– Да вот, – усмехнулась Ирина, – замуж выхожу.

– Правда? Я вас поздравляю! А кто счастливчик?

– Как кто? Кирилл, конечно!

– А, да? Что ж, желаю вам счастья, дорогая моя!

Ей показалось или голос Надежды Георгиевны потускнел? В чем дело? Она прекрасно знает, что настоящий убийца найден и Кирилл ни в чем не виноват.

Неужели завидует? Да нет, не похоже на нее.

Пожав плечами, Ирина вернулась к делу Еремеева.

Итак, направление поисков сузилось, но пришлось случиться еще одному убийству, прежде чем следствие вышло на финишную прямую.

Если в предыдущих случаях преступник прилагал кое-какие усилия для сокрытия тел, то в последний раз обнаглел окончательно, оставил труп лежать прямо возле аллеи, при том что буквально в двадцати метрах располагались развалины дворца, где можно легко и надежно спрятать тело.

На месте преступления нашли столбик двухкопеечных монет, завернутый в бумагу. На первый взгляд, не слишком информативная улика, многие люди, особенно не имеющие своего телефона, носят двухкопеечные монетки отдельно. Лучше сделать зачанку, чем, когда приспичит позвонить, бегать по улице и приставать к гражданам, чтобы разменяли пятак. На десятикопеечную монетку автомат тоже срабатывает, как и на две однушки, но двушки удобнее.

Следствие не возлагало особых надежд на эту находку, однако именно она неожиданно стала ключом к убийце.

Бумага, в которую были завернуты монетки, оказалась листком из фирменного блокнота научно-производственного объединения «Аврора».

Следователь отправился туда. НПО «Аврора» относится к оборонной отрасли, поэтому беднягу должны были принять прохладно, а то и выкинуть вон, но

упорный Ижевский каким-то невероятным образом преодолел этот барьер, и ему разрешили следственные действия в организации, плотно курируемой КГБ.

Выяснилось, что блокноты выпустили небольшим тиражом для участников международной научной конференции, а остатки осели у руководства.

В том числе блокнот достался и секретарю комсомольской организации «Авроры» Алексею Ильичу Еремееву, который имел в народе прозвище Билли Бонс из-за отсутствия правого глаза.

Дальше – дело техники. Отпечатки пальцев Алексея Ильича совпали с отпечатками на фляжке, впрочем, он не отрицал, что это его вещь. Якобы она всегда лежала у него в ящике письменного стола, он и не заметил, когда она пропала. Вроде бы в сентябре еще он ею пользовался, когда ходил в поход с сотрудниками.

К сожалению, никто из опрошенных участников похода фляжки в руках своего вожака не вспомнил, маршрут не пролегал через лесопарк, и Еремеев сам сказал, что никогда там не бывал, поэтому версия «обронил по пьяни» даже не возникла.

При обыске квартиры сразу же бросились в глаза синяя куртка и кроссовки «Адидас», полностью соответствующие описанию, данному глазастым пэтэушником, а на рабочем месте в стаканчике для карандашей нашлась ручка, принадлежавшая раньше убитому парнишке. Он когда-то сам смастерил ее, вырезал из дерева на токарном станке – и очень любил.

Несмотря на убедительные улики, Еремеев так и не признался. Что ж, можно понять человека. Когда Ирина изучала судебную практику по делам такого рода, ее, напротив, удивляло, как быстро маньяки начинают давать признательные показания и сотрудничать со следствием. Ясно же, что тут чистосердечное признание и деятельное раскаяние ничего не изменят. У кого поднимется рука дать всего пятнадцать лет чудовищу, отнимавшему жизни ради своего удовольствия? Если и найдется вдруг такой гуманист, то в вышестоящей инстанции быстро пересудят. Единственный крохотный шанс остаться в живых – отпираться до последнего, стоять насмерть, но маньяки колются, как гнилые орехи, быстрее даже, чем обычные бытовые убийцы.

Алексей Ильич оказался не из таких. Все отрицал, но и сколько-нибудь убедительного алиби предоставить не смог. Роскошь человеческого общения так приедалась ему на работе, что свободное время он проводил в одиночестве. После контузии его якобы мучили по вечерам головные боли, и он приноровился засыпать в половине десятого вечера, а вставать в пять утра. Достойный режим, но немного странный для молодого свободного мужчины.

Несмотря на тяжелую черепно-мозговую травму в анамнезе, судебно-психиатрическая экспертиза признала Еремеева вменяемым, и следователь передал дело в суд.

Что ж, достойное раскрытие. Ижевский показал себя не только умным и дотошным, но и принципиальным сыщиком. Жаль, следователь не может в уголовном деле отразить, как его шпыняло руководство, как кагэбэшники совали палки в колеса, а может, и запугивали, лишь бы вывести из-под удара видного комсомольского работника.

Молодец, Ижевский!

Ирина снова посмотрела на фамилию следователя. Отчества она не помнила, но инициал имени совпадает. Г – Глеб. Ленинград – город большой, но все же сомнительно, чтобы в нем трудились два следователя Г. Ижевских.

Похоже, это все-таки ее однокурсник. Тогда вдвойне молодец, потому что, когда они учились, Глеб Ижевский был если не королем всех университетских придурков, то наследным принцем точно.

Очевидно, проведя школьные годы в положении изгоя, Глеб решил радикально поменять свою жизнь и в университет явился в тщательно продуманном образе клевого парня.

Он ходил неестественно раскованной походкой, излишне шумно кидал сумку на стол, бесцеремонно вступал в чужие разговоры и рассказывал о себе, хотя никто его не спрашивал. Хвастался, что якобы в школе был самым популярным парнем и носил кличку «доктор Геббельс» за свой иезуитски изворотливый ум, собирал «сейшны», по свободе нравов сравнимые разве что с римской оргией, а однажды они с друзьями (видимо, существовавшими только в его воображении) устроили танцевальный марафон, и он, Глеб, продержался

дольше всех – целых тридцать два часа.

Но однокурсники не уважали Геббельса, хорошую вечеринку умели сделать и без помощи Глеба, а выкинуть из жизни тридцать два часа на танцы казалось дикостью.

Нельзя сказать, что Ижевский был уродлив, скорее наоборот. Высокий, очень худой, длинноногий, с правильными чертами лица – полный комплект привлекательного молодого человека, но каким-то непостижимым образом он ухитрялся выглядеть омерзительно.

Хорошо и со вкусом одеваться могли только блатные студенты, остальные ходили в чем попало. И снова парадокс: в рамках борьбы за лидерство Ижевский достал где-то настоящие джинсы, но смотрелся в них хуже, чем ребята в перелицованных папиных брюках.

Весь он был какой-то непромытый, сальный, тусклый... И как будто этого было мало, ко второму курсу Глеб еще и отрастил усы, оказавшиеся густыми и богатыми, как у сорокалетнего казака, и на него невозможно стало смотреть без содрогания.

Сам Ижевский мнил себя великим сердцеедом. Бросал на приглянувшуюся девушку томный тяжелый взгляд и изрекал: «Ну что, валькирия, лети сюда».

Не сработало ни разу, но Глеба это почему-то не смущало и тактику он не менял.

Не забывал он являть миру и такую грань своей натуры, как искрометное чувство юмора. Заключалось оно в том, чтобы оскорблять однокурсниц, тыкая их носом в мнимые и реальные дефекты внешности. На языке Ижевского это называлось «подкалывать».

Больше всего на остроты его вдохновляла проблема лишнего веса. Если кто-то из девчонок брал в столовой пирожок, то можно было не сомневаться: через секунду Глеб вырастет будто из-под земли и заявит: «Будешь есть плюшки – сама в плюшку превратишься», «Смотри, мать, скоро так ни в одну дверь не пролезешь» или: «А ты на какую роль пробоваться собираешься – Карлсона или Винни-Пуха?». На физкультуре однажды заявил Ирине: «Если бы ты знала, как противно смотреть на твою трясущую задницу, ты бы не старалась бегать

быстрее всех».

Когда ему пытались объяснить, что так себя не ведут, Ижевский отвечал, что все нормальные люди подкалывают друг друга, это правильно и хорошо, а если немного неприятно, так на пользу же! Девчонки должны быть ему благодарны, что не дает им расслабляться!

Однажды Глеб прицепился к Ирининой подружке. Это была красивая девушка, очень стройная, поэтому Ижевский, отличавшийся в любовных делах редкой разборчивостью, удостоился выбрать ее своей валькирией, только вот она на его зов не прилетела. Вроде бы он не обиделся, но через некоторое время стал по несколько раз на дню шептать ей на ухо: «Пора худеть». Буквально: встретит в коридоре, подскочит, прошипит «пора худеть», и дальше по своим делам. Раз, два, десять... Подружка вежливо просила его отвязаться, но не тут-то было. «Ты мне еще спасибо скажешь, когда похудеешь!» – веселился Ижевский.

Ирина пыталась его образумить, но Глеб не собирался дискутировать с людьми без чувства юмора.

Чаша терпения переполнилась под дверями деканата. Когда Ижевский в очередной раз приблизился со своим «пора худеть», подружка сильно оттолкнула его и послала нецензурно.

К сожалению, это произошло на глазах преподавателей, и волну удалось прибить не без труда. Несколько дней подружка боялась, что ее отчислят, ну а Глебушка довольно ухмылялся: «Я что, виноват, что ты шуток не понимаешь?»

После этого случая Глебу объявили бойкот, причем он долго не понимал, что с ним никто не разговаривает. Потом перевелся в другую группу, там, кажется, у него получше сложилось.

Подружка интересовалась его судьбой и несколько лет назад со злорадством рассказывала, что Ижевского взяли следователем в район и там он выглядел идиотом даже на фоне тех ветеранов сыска, которых профессиональная деформация вывернула наизнанку. Звезд с неба он не хватал, а вскоре серьезно обмишурился: упустил подозреваемого. Надо было предъявить обвинение и заключить под стражу, но как только бедолага смекнул, что дело пахнет керосином, выскочил из кабинета и был таков. Ижевский допрашивал его, сняв

ботинки, и пока обувался, парень покинул здание прокуратуры и растворился в толпе.

Подруга радовалась как ребенок, предрекая скорое увольнение Глеба из органов. Интересно, как он после этого оказался в городской прокуратуре? Может, все-таки другой Ижевский?

Ирина достала из сумочки записную книжку, которой пользовалась еще со школы. Пришлось перехватить ее аптечной резинкой, чтобы листки не выпадали. Господи, второй год лежит новая шикарная книжечка в кожаной обложке и с четким алфавитом, а переписать в нее телефоны все руки не доходят и с новой работой нескоро, похоже, дойдут.

Перебирая разрозненные листочки, многие записи на которых от старости выцвели, Ирина с грустью думала, что когда-то помнила подружкин номер наизусть. А потом развелась, и вид чужого счастья сделался ей невыносим.

Ирина набрала номер. Рабочий день, но подруга должна быть дома: она сидит в третьем декрете и на работу, кажется, вообще не собирается. Смешная штука жизнь: в университете Ирина училась неплохо, но мечтала только о счастливом замужестве и детях, а подружка ровно наоборот: была страстно увлечена учебой, выкладывалась на кафедре, создавая фундамент для будущей карьеры, а о семье даже не помышляла. И вот результат: Ирина – разведенка, зато судья в городском суде, а подружка – многодетная мама без профессиональных перспектив.

Подружка искренне обрадовалась ее звонку. Наверное, в заботе о малышах она и не заметила, что уже три года не видела Ирину, общалась так, будто расстались вчера.

– Ага, Глебушка собственной вонючей персоной, – фыркнула она, – мы тоже в шоке, как он там оказался, он же балансирует на самом краю адекватности. Наверное, в районе так не терпелось от него избавиться, что решили, раз на повышение быстрее, чем уволить, пусть идет на повышение.

– Слушай, но он отлично...

– Нет и нет! Не желаю слушать, а то у меня молоко пропадет. Если тебе важно про Глеба знать, я у мужа поспрошаю... А ты вообще к нам в гости приходи! Ты ж Ваньку моего еще не видела? Приходи, Ирочка, вот как соберешься, так и давай, я всегда дома.

«Приду, конечно, приду! – вздохнула Ирина, повесив трубку. – Только не раньше, чем у меня появится штамп в паспорте».

У нее был маленький неудобный кабинет, зато окно выходило на Фонтанку. Ирина прижалась лицом к стеклу и стала смотреть, как лучи бледного ленинградского солнца рассыпаются по жемчужному снегу. Прямо возле чугунного парапета кто-то рассыпал горсть пшена, и над ним деловито толклась стая голубей.

Говорят, люди не меняются, но это не так. Она сегодняшняя – совсем другой человек, чем семнадцатилетняя девочка-студентка. И в дружке мало что осталось от целеустремленной научной работницы, вектор, уверенно ведущий ее к энергичной незамужней профессорше вдруг круто преломился.

И Глеб изменился. Происшествие с подследственным и угроза потерять работу – хороший повод что-то в себе переосмыслить. Да, в университете он был несносен, но тогда он был еще почти ребенком, и все они по сути были детьми, вот и вели себя соответственно: травили самого странного. Как он мог научиться нормальному общению, если его везде принимали в штыки? Перейдя в городскую прокуратуру, Ижевский оказался в здоровом взрослом коллективе, его приняли доброжелательно, и результат не замедлил сказаться.

Глеб блестяще раскрыл сложное дело и проявил при этом настоящее гражданское мужество.

Так что меняются люди...

Реально способны твердо встать на путь исправления.

И, кстати, неизвестно, как бы на его месте поступили ребята, бывшие в универе лидерами и заводилами. Красивые, умные, популярные, привыкшие, что им все достается легко, стали бы они бороться с системой, как это сделал Глеб, или... Ирина усмехнулась. Скорее «или».

От холодного стекла заломило лоб, но Ирина продолжала смотреть на реку. «Все меняются, и я изменюсь и все-таки стану такой, как мечтала в семнадцать лет».

* * *

Галина Адамовна взбила Ларисе волосы и, чуть отступив назад, уставилась на нее долгим взглядом творца. Так, наверное, Микеланджело смотрел на глыбу мрамора, прежде чем отсечь от нее все лишнее.

- Давайте под мальчика, - буркнула Лариса.

Галина Адамовна нахмурилась. Это была очень полная женщина с пышной бабеттой даже не из шестидесятых годов, а будто из XVIII века. Все было уложено волосок к волоску, локон к локону и залито лаком до состояния полной незыблемости. Одета Галина Адамовна всегда была в накрахмаленный белый халат с короткими рукавами, открывающими круглые руки с пухлыми маленькими кистями.

Мастер она была отличный, но главное не как стригла, а кого стригла милейшая Галина Адамовна.

Рядом с домом Ларисы работала вполне приличная парикмахерская, и нормального мастера там можно было найти, тем более что ей обычно требовалось только подровнять, но статус жены крупного начальника требовал, чтобы она моталась на другой конец города в этот салон, куда женщине с улицы попасть было невозможно.

Иногда Ларисе казалось, что Галина Адамовна - душевная женщина, но чаще она думала, что та ненавидит своих клиенток и про себя называет «обкомовскими сучками», и по ночам, может быть, мечтает причесывать их гребенками из-под вшивых. А Ларису ненавидит сильнее остальных за то, что ей все само в руки упало.

Ей всегда было неловко, что она пользуется привилегиями только потому, что родилась у высокопоставленных родителей, а потом удачно вышла замуж.

Раньше Лариса так хотела понравиться Галине Адамовне, что буквально заискивала перед ней, а теперь все равно.

- Под мальчика, - повторила она.

Парикмахерша всплеснула своими полными округлыми руками:

- Господи, Ларисочка, у вас такие чудесные волосы! Простите, но состричь такую красоту... Иначе как святотатством и не назовешь такое!

«Снявши голову, по волосам не плачут», - подумала Лариса, а вслух сказала:

- Хочу короткие.

- Давайте попробуем хотя бы каскадик или маллет... - Галина Адамовна подобрала Ларисины волосы, показывая, как примерно она будет выглядеть, - да, пожалуй, так получится отлично.

- Пожалуйста, Галина Адамовна, я хочу коротко.

Парикмахерша наклонилась прямо к Ларисину уху.

- Ларисочка, дорогая моя, помните, вы пару лет назад тоже вдруг захотели короткую стрижку, а я вас отговорила?

Лариса поежилась. Еще бы не помнить!

- Разве вы об этом жалели? - журчала Галина Адамовна. - И сейчас не пожалеете, если меня послушаете.

В холодных лучах лампы дневного света лицо Ларисы казалось измученным и старым, и она отвела взгляд от зеркала.

Зал был небольшой, на три кресла, отделенные друг от друга зеркальными перегородками. Потолок арочный, наверное, раньше тут располагался склад или конюшня.

В центре потолка приделаны длинные белые цилиндры, сияющие мертвенным светом. Пахнет свежестью и чуть-чуть гнилым яблоком. Пол и стены до уровня глаз облицованы белым мрамором, кресла удобные, обивка насыщенного вишневого оттенка нигде не потрескалась, не протерлась, открывая грубую холщовую основу. С плакатов улыбаются ухоженные заграничные женщины, демонстрируя модные прически. Сотрудницы вежливые и предупредительные, если сейчас Лариса попросит кофе, то Галина Адамовна принесет и будет ждать, пока клиентка напьется. Сегодня она хлопочет о Ларисиных волосах как родная мать, а если завтра все откроется, как тогда поступит милейшая парикмахерша?

Станет рассказывать другим клиенткам, какая Лариса была мерзкая и как противно было ее стричь? Или многозначительно промолчит?

– Давайте под мальчика! – Лариса запустила руки в волосы, последний раз наслаждаясь их тяжестью. – Попробуем, а если не понравится, то снова отпустим.

Горестно покачав головой, Галина Адамовна приступила к работе. Первым делом она заплела Ларисе косу, отрезала и отдала на память, но все равно под быстрое лязганье ее ножниц на пол падали еще довольно длинные пряди.

«Так мне и надо, – Лариса жмурилась, чтобы не видеть ни волос на полу, ни своего отражения, – я это заслужила. Нацистских шлюх стригли, а я хуже, чем они».

Скоро начнется суд.

Еще неделя, две – и для Алексея все будет кончено.

Перед мысленным взором Ларисы вдруг возникло чужое равнодушное лицо палача, который выстрелит Алексею в затылок. Секунда – и нет человека. Только что шел, дышал, замирал от страха – и вот уже солдаты тащат тело, и мертвая голова с глухим стуком бьется об пол. Куда-то выкинут его – в общую могилу, или сожгут в крематории, но родным не отдадут. Не останется на земле памяти об Алексее Еремееве. И он это заслужил.

Лариса изо всех сил сжала подлокотники кресла.

Для нее тоже все будет кончено после этого суда, если Алексей заявит, что они были любовниками.

Она ведь не хотела идти на тот торжественный вечер, посвященный юбилею «Авроры»!

Накануне они с Никитой поссорились. Виновата была она: не удержалась, упрекнула мужа в том, что он так редко бывает с ней вместе. Обычно Никита пропускал ее слова мимо ушей, а тут вдруг сорвался, накричал, и Лариса весь день пролежала, свернувшись клубочком и натянув одеяло на голову, и не собиралась никуда идти, но в последнюю секунду вскочила и помчалась в душ.

Наступили времена, когда приходится не только быть крепким тылом и боевой подругой, но и демонстрировать это всему миру.

Первый год директорства Никита практиковал манеру начальника-небожителя, такого таинственного полубога, подробности жизни которого неизвестны даже его шоферу, но потом отец порекомендовал ему стать открытым и демократичным. Твердая рука – это прекрасно, но искренняя любовь народа не вредила еще ни одному лидеру. Надо ли говорить, что в завоевании этой любви хорошая жена играет не последнюю роль, так что давно пора показать людям, какая Ларисочка милая и очаровательная.

Чем тоскливее на душе у женщины, тем лучше она должна выглядеть – это аксиома. Но с другой стороны, нехорошо выхваляться перед рядовыми сотрудницами, для которых шмотки из гардероба директорской жены еще недостижимее, чем коммунизм. Поколебавшись немного, Лариса выбрала яблочно-зеленое шелковое платье с воротником-лодочкой, узким лифом и сильно расклешенной юбкой. Вещь дорогая, но сильно устаревшая, пусть работницы думают, что у нее, как и у них, один торжественный наряд на всю жизнь.

И как раз к этому платью лучше всего подходят югославские туфли на шпильках цвета бордо. Тоже не ширпотреб, но при известной доле везения и упорстве любая может такие урвать или достать. Только сумочка в цвет туфелек слегка подкачала – ее свекор привез прямо из Парижа, но зато на ней нет лейблов,

и дизайн такой простой, что неискушенный человек легко примет ее за изделие советской кожгалантереи.

Она слишком долго провалялась в кровати, поэтому времени на прическу уже не оставалось, и Лариса быстро закурила кичку на затылке.

Тогда вид красивой себя в зеркале еще мог поднять ей настроение, и, подъезжая в такси к дворцу культуры НПО «Аврора», она снова верила, что обязательно будет счастлива.

Никита увидит, какая у него хорошенькая жена, и все ей простит.

Но муж встретил ее как чужую, молча усадил в первом ряду рядом с женой своего заместителя, а сам отправился на сцену в президиум и, сидя там, старательно отводил от Ларисы взгляд.

Лились торжественные речи, а Лариса еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Так было обидно, что она своим неловким промахом испортила настоящую семейную идиллию... Как теперь объяснить мужу, что она не хотела ничего плохого? Как найти подходящие слова?

В антракте все клубились в фойе возле импровизированного буфета, а Лариса растерялась. Она думала, что муж позаботится о ней, но он, спустившись со сцены, беседовал с какими-то людьми и даже не посмотрел в ее сторону.

Лариса побрела куда глаза глядят, лишь бы подальше от народа, и вскоре оказалась возле широкой мраморной лестницы. Она поднялась и увидела массивную двустворчатую дверь с табличкой «Библиотека». Подергала створку – заперто.

Паркет в коридоре был еще влажным, наверное, уборщица только что ушла. Пахло детством и несбывшейся мечтой, свет горел только на лестнице, и коридор быстро терялся в темноте. Лариса вдруг забыла о своих тревогах.

Она решила углубиться в темный коридор и стояла на пороге, собираясь с духом, как вдруг почувствовала на своей спине чье-то теплое дыхание. Было совсем не страшно, а таинственно и интересно.

Она замерла и, только когда сзади деликатно кашлянули, обернулась.

Что-то высокое, темное, угловатое и резкое увиделось ей сквозь непонятное волнение. Больше похоже на картину Пикассо, чем на человека.

- Вы заблудились? - мягко спросил он. - Разрешите, я провожу вас обратно.

Она кивнула. Он предложил ей руку, она приняла.

Так и боялась посмотреть ему в лицо, заметила только носок до блеска начищенного ботинка, худую смуглую руку с длинными узловатыми пальцами и острый кадык над белоснежным воротничком рубашки.

Антракт закончился, и в коридоре уже никого не было. Стояли пустые разоренные столики с остатками бутербродов, на полу валялись смятые салфетки.

- Войдем? - спросил незнакомец.

- Неудобно...

- Ой, это выходить посреди исполнения неудобно, а входить - ничего.

Она улыбнулась. Из зала доносились звуки классической музыки, которую Лариса любила, но знала не слишком хорошо. Она испугалась, что провожатый сейчас спросит, как называется произведение, а она не сможет ответить, поэтому заторопилась в зал.

- Только вы можете войти не сразу вслед за мной? - шепнула она. - А то муж...

- Ни слова больше! Я войду позже и через другую дверь.

Так у них появился общий секрет.

От этой встречи осталось странное ощущение, что чудо возможно.

Вернулись полудетские мечты о любви и о подвигах, которые она считала умершими и похороненными на дне памяти.

А тут еще наступила весна, которую Лариса никогда не любила, а сейчас вдруг отдалась жажде обновления, которую это время года приносит с собой.

В начале апреля они получили приглашение на юбилей секретаря парторганизации. Никита сказал, что будет не только руководство НПО, но и важные люди из горкома, поэтому выглядеть и вести себя в ресторане надо с большим достоинством и по возможности очаровать жен.

Чтобы выглядеть настоящей номенклатурной супругой, пришлось бежать к Галине Адамовне за монументальным начесом и влезать в жуткое бархатное платье с кружевами, которое Никита в недобрый час привез ей из Венгрии.

Никита настоял, чтобы она надела тяжелую золотую цепочку и серьги с бриллиантами, так что Лариса почувствовала себя не просто классической парт-тетей, а вообще какой-то мумией.

В ресторане она сидела с приклеенной улыбкой, поднимала бокал, но только делала вид, что пьет, и изо всех сил старалась не смотреть на другой конец длинного стола, где был тот угловатый темный человек.

Почему-то было грустно, что он видит ее такой бабской бабой.

Когда все поздравили юбиляра, в соседнем зале начались танцы. Никиту быстро выдернула из-за стола подвыпившая исполкомовская дама, а Ларису никто не пригласил. Идти отплясывать без кавалера, встав в кружок вместе с другими женщинами, ей не хотелось, хотя поставили Челентано, песню «Сапожки и меховая шапка», которая очень нравилась ей, и дома она прыгала под нее с огромным удовольствием. «У тебя музыкальные пристрастия как у пэтэушницы, – ворчал муж, – ты вообще в курсе, что реакция на ритм – отличительная черта дебилов?» Лариса расстраивалась, что она немножечко дебил, но нога все равно начинала отбивать такт.

Зазвучал оркестр Поля Мориа, «Индийское лето», и темный человек подошел, склонился к ней и пригласил танцевать. Лариса пошла.

В танцевальном зале был приглушен свет, но у нее и так перед глазами все плыло от волнения.

Рука человека мягко легла ей на талию, и вдруг Лариса отчетливо поняла смысл выражения: «она затрепетала». И подумала о себе, как о чужой: «она затрепетала».

Вообще она чувствовала себя как в невесомости или на американских горках и была будто пьяная, но тело странным образом улавливало все движения темного человека и реагировало на них.

Она надеялась, что на следующий танец он пригласит кого-нибудь другого и наваждение пройдет.

Началась какая-то быстрая композиция, и танцующих сразу прибавилось. Неизвестный повел ее к выходу, оберегая от нечаянных столкновений. Лариса немножко очнулась и искала глазами мужа. Исполкомовская дама плотно висела на нем, так что со стороны они казались боксерами, сошедшимися в клинче.

В зале стало душно, поплыл легкий запах винных паров и человеческого пота, а лица вдруг показались Ларисе бессмысленными и распаренными.

Кавалер предложил ей выйти покурить.

– Я бы с удовольствием, только номерок у мужа.

– Айн момент!

Он взял у гардеробщика свою куртку и накинул ей на плечи.

Вышли на крыльцо, в весеннюю ночь, лиловую, как старые чернила.

Лариса хотела сказать, что он замерзнет в одном пиджаке, но не стала.

Ресторан располагался на первом этаже жилого дома. За небольшим сквериком из нескольких кустов сирени, еще голых, но пахнувших будущей листвой, шумел проспект. Тяжело проехал желтый икарус с гармошкой, за ним пропыхтел крутолобый львовский ишачок, оставив за собой шлейф бензиновой гари.

Оказалось, что они оба не курят.

- Просто постоим? - спросил он.

- Постоим.

Из открытых дверей слышались звуки «Одинокого пастуха», мелодии, от которой у Ларисы всегда щемило сердце.

Сюда музыка доносилась негромко и заглушалась шумом дороги, так что половину нот приходилось угадывать, но так было даже лучше.

- Хотите потанцуем?

Лариса очень хотела, но испугалась.

- Просто постоим? - повторил он.

- Постоим.

Вдруг ее рука очутилась в его руке.

Так они стояли молча, прислушиваясь к мелодии, в которой были простор, радость и грусть.

И так же молча вернулись в ресторан, когда музыка кончилась.

Лариса стала искать Никиту и быстро нашла его там, где оставила, в когтях исполкомовской дамы.

Она растерялась. Устраивать сцену ревности пошло и неприлично, поэтому она вернулась в банкетный зал и под села к двум пожилым дамам, которые не хотели танцевать, а с удовольствием пили вино, закусывая конфетками. Они обе работали в редакции «Ленинградской правды» и оказались весьма интересными собеседницами. Никита не появлялся, незнакомец тоже исчез, и Лариса выпила сначала один бокал, потом второй и в итоге довольно прилично наклюкалась.

Муж обиделся, что она не шуганула от него приставучую исполкомовку и что выпила, хотя он тысячу раз говорил, как терпеть не может пьяных женщин.

А Лариса вспоминала только, как ее ладонь лежала в сильной руке незнакомца, и думала, что наваждение прошло, но той минуты у нее никто не отнимет.

Тем бы и кончилось, но Никита вдруг решил пригласить своих заместителей в гости.

Лариса, выросшая в семье, где работу делали на работе, а дома занимались домом, недоумевала, зачем нужно приближать к себе подчиненных, но спорить не стала.

Тем более ей нравилось принимать гостей, а кроме родителей, у них почти никто не бывал.

Увидев его на пороге, она чуть не выронила кувшин с морсом. Он принес чайные розы: пять тугих цветков в обрамлении упругих изумрудных листьев.

Лариса смешалась, не зная, куда деть кувшин, убежала с ним в столовую, а он все стоял и ждал, чтобы вручить ей букет, перехваченный внизу несколькими слоями газеты, чтобы не кололись шипы. Стебли оказались такие толстые, что она еле их подрезала.

Когда надо принять людей на высшем уровне, а помощницы тебе еще не полагается по рангу, то за столом особо не рассидишься. Приходится сновать между кухней и столовой, лишь урывками и порой невпопад включаясь в общий разговор.

Лариса сгрузила в мойку стопку грязных тарелок, а когда обернулась, увидела, что он стоит в дверном проеме.

- Какой ужас, - сказал он серьезно, - все это мыть!

Она развела руками.

- У меня всего две тарелки дома, и то я страдаю, а тут целый бастион. Впрочем, нет таких крепостей, которые не взяли бы мы, большевики. Помогу?

Он шагнул к раковине, но Лариса решительно преградила ему дорогу.

- Ни в коем случае. Это очень плохая примета - мыть посуду в чужом доме.

- Seriously? Не знал. И в чем суть?

- У хозяев денег не будет.

- Значит, не очень.

- Простите?

- Примета плохая, но не очень.

- Вы правы.

Она полезла в духовку за окороком, надеясь, что кухонный жар объяснит румянец на ее щеках.

Вооружилась ножом и большой двузубой вилкой, чтобы разделить на порции, но нож соскользнул, и Лариса едва успела отскочить от брызнувших на нее капель горячего жира.

- А против того, чтобы гость мясо нарезал, такой приметы нет?

- Такой нет.

Он принялся за дело. Она удивилась, как неловко и неудобно он держит нож и большую двузубую вилку, но окорок будто сам распадался под ножом на ровные тонкие пласты. Лариса стала выкладывать их на блюдо, украшенное листиками салата.

Разговорились. Она наконец узнала, что его зовут Алексеем Еремеевым.

– Слушайте, – вдруг воскликнул он, старательно и неумело срезая остатки мяса с косточки, – а вы не хотели бы вести у нас курсы английского языка для молодежи?

Лариса сглотнула горечь. Наивно было думать, что он приставал к жене директора потому, что она ему понравилась.

Она пожала плечами, а Еремеев вдруг страшно воодушевился. Оказывается, он выяснил, что многие хотели бы освежить школьные знания, а возможно, и выйти за пределы фразы «London is a capital of Great Britain». Так почему бы не организовать для ребят занятия хотя бы раз в неделю? Достаточно для взрослых людей, которые искренне хотят учиться.

По одухотворенной физиономии Еремеева Лариса сразу смекнула, что денег тут не предвидится, и хотела сказать, что нельзя построить коммунизм в одном отдельно взятом человеке, но огляделась и прикусила язык.

Стыдно ей, состоятельной женщине, запускать руку в тощий комсомольский карман!

– С удовольствием займусь, – проямлила она.

Обычно кухонные разговоры рассеиваются вместе с табачным дымом, но в этот раз вышло иначе.

Заручившись ее принципиальным согласием, Еремеев немедленно связался с секретарем комитета комсомола университета, и Ларисе быстренько оформили ведение курсов как общественную работу, да еще обставили все так, будто она сама выступила с этой инициативой, про нее даже статья вышла

в университетской многотиражке.

Научный руководитель пожалел, что она так вляпалась, но сказал, что в принципе это уникальный опыт, по результатам которого можно сделать прелестную научную работу, а там, как знать, может, и задел для докторской образуется. Ну и педагогические навыки она там прекрасно обкатает.

Лариса стала приезжать по средам в ДК. Занятия проходили в читальном зале той самой библиотеки, где она впервые встретила с Еремеевым.

Она узнала, что в конце таинственного коридора располагается бронзовый бюст вождя, обрамленный малиновыми бархатными знаменами побед в соцсоревнованиях. Их было так много, что рябило в глазах, и вместо гордости за родное предприятие Лариса думала, выбивает ли из них кто-нибудь пыль?

Впрочем, хватало других тем для размышлений. В группу записалось двадцать человек, в основном девушки, и уровень знаний у них был очень разный, от «My name is» до прилично сданного экзамена по английскому в институте. Пришлось рассаживать по рядам, как детей в малокомплектной школе, и по сути вместо одного занятия вести сразу три.

Пару недель Лариса покривилась, но вдруг увлеклась и поняла, что все это страшно интересно и действительно может стать материалом для программной статьи. И это как минимум.

Она любила оставаться в библиотеке одна после занятий и медленно обходить ее, прежде чем запереть и вернуть ключ вахтерше. Особенно приятно было углубиться в тесные лабиринты стеллажей абонементов, осторожно провести ладонью по потрепанным корешкам и вдохнуть аромат старой книжкой пыли с легкой, едва уловимой соленой ноткой тления.

На полках плотно, томик к томику, стояли в основном унылые многотомники советских классиков с редкими вкраплениями зарубежных писателей-коммунистов. Модных и интересных новинок, не говоря уж о произведениях идеологически чуждых авторов, в этой библиотеке не было совсем, и все же Лариса чувствовала, что здесь люди ближе к настоящей литературе, чем партийная элита, которая приобретает в спецмагазине томик Цветаевой или Сэлинджера и, не читая, ставит на полку.

Они поцеловались рядом с буквой «В», тщательно выведенной на картонке голубыми чернилами. Лариса испугалась, что стеллаж упадет, и сразу забыла, ощутив на губах его сухие губы. Тело будто зазвенело.

Потом, когда им все-таки удалось оторваться друг от друга и Лариса немного отдышалась, то вспомнила, как на первом курсе случайно схватилась за оголенный провод. Ощущения были точь-в-точь.

Впервые они были вместе за стеллажами с полным собранием сочинений Маркса и Энгельса, и с тех пор Лариса не могла смотреть спокойно на темно-вишневые корешки с золотым тиснением. Сразу внутри все замирало от сладкого предчувствия чуда.

Что это было? Любовь? Наваждение? Колдовство?

Не отрекайся и не зарекайся, вот уж правда! Лариса росла в семье, где все любили друг друга спокойно, без надрыва и страстей. Мама говорила, что вся великая любовь происходит от великого инфантилизма и распушенности, а взрослые разумные люди умеют властвовать собой. Анна Каренина, Ирэн Форсайт, даже Катерина из «Грозы» были всего лишь неуравновешенные истерички, о которых не стоило столько писать.

И Лариса тоже думала – боже мой, какие дуры!

И хотела бы продолжать так думать, но ноги подгибались, а все слова вылетали из головы, когда он появлялся в дверях библиотеки через несколько минут после того, как уходила группа.

Всю неделю она репетировала строгую речь, в которой аргументированно доказывала, что им необходимо немедленно все прекратить, но Алексей шагал ей навстречу: «Лучик мой!» – и Лариса кидалась ему на шею, висла на широких плечах и крепко прижималась щекой к щеке, чтобы почувствовать, как колется щетина.

Он подхватывал ее, кружил, уносил в самую глубину зала, где хранились подшивки старых газет, начинал осторожно целовать, но Лариса торопила миг, когда она становилась им, а он становился ею.

Потом они лежали на полу, подстелив его пиджак, и мечтали, как когда-нибудь смогут сделать это в постели. «Я бы поцеловал каждую твою веснушку, Лучик».

А ей и так было хорошо.

Лариса знала, что это скоро кончится, как приговоренный к смерти знает о предстоящей казни. Алексей – мужчина, а их влюбленность быстро проходит, и скоро приключение с замужней женщиной утратит для него прелесть новизны и надоест. Что ярко горит, то быстро сгорает.

Но завтрашняя пустота заставляла ее только острее чувствовать сегодняшнее счастье.

Алексей провожал Ларису домой, несмотря на все ее протесты. В метро было бы быстрее, но от ДК до Ларисино дома ходил прямой трамвай. Его всегда приходилось долго ждать. Когда старый красно-желтый вагончик показывался из-за угла, раскачиваясь и звеня, табличка с номером сверху горела уютно, как настольная лампа. Вечером давки уже не было, но двойные сиденья обычно оказывались заняты, и они проходили на заднюю площадку и смотрели, как убегают вдаль рельсы.

Счастье было горьковатым, как грейпфрут.

Иногда он звонил на кафедру: «Лучик, я понял, что, когда увидел тебя, снова стал жалеть, что потерял глаз». Лариса отворачивалась, горбилась, чтобы другие преподаватели не видели, как лицо разъезжается в улыбке, и строгим тоном говорила: «Да, Алексей Ильич! Обязательно, Алексей Ильич!»

Весна и все лето прошли от среды до среды.

В другие дни Алексей звонил ей домой, когда знал, что Никита еще на работе, и они разговаривали о всяких глупостях. Лариса точно не знала, прослушивается их домашний телефон или нет, но на всякий случай Еремеев звонил ей из автомата и обращался на «Вы»: «Лариса, а я хотел спросить про модальные глаголы...» или: «Мне непонятно это место у Шекспира, а кстати, вы любите кататься на лыжах?».

Что ж, Алексей сам был в системе и прекрасно знал, что супружеская измена и развод в их среде – вещи неприемлемые. По ней не сильно ударит, а Никита потеряет все, тут даже отец не сможет защитить. Точнее, сможет помочь удержаться в должности, но о головокружительной карьере придется забыть. Простит ли он женщину, погубившую судьбу его единственного сына? А людей, воспитавших эту женщину? Нет, нет и еще раз нет. Иван Макарович – достойный человек, но христианское милосердие в список его добродетелей не входит.

Лариса – заложница счастливого брака, и нельзя ставить его под угрозу ради мимолетных встреч и телефонных разговоров, но она была не в силах отказаться ни от одной секунды наваждения, которое казалось ей любовью.

В юности она серьезно увлекалась фотографией, а как вышла замуж, забросила это занятие. Теперь увлечение вернулось с новой силой, она всюду стала брать с собой любимый «Зенит», а в те вечера, когда Никиты не было дома, разворачивала в ванной фотолабораторию. Лариса снимала библиотеку, бюст вождя, своих учеников, котов из ДК, листья на деревьях, пышные кусты сирени, шиповник – все подряд, чтобы единственный кадр с Алексеем показался бы случайным.

А потом, глядя на готовые работы, сама удивлялась, как они хороши.

В первое воскресенье сентября комсомольская организация «Авроры» устроила праздник для детей сотрудников под лозунгом «Первый раз в первый класс».

Мероприятие не того масштаба, на котором должен присутствовать директор, но Лариса решила пойти без мужа.

Никите она соврала, что девочки из группы попросили ее фотографировать детей. Он немного подулся, сказал, что она путает демократичность

с панибратством, а ведь всем известно, что, стоит склониться к простому человеку, как он немедленно запрыгивает тебе на шею.

Лариса обещала вести себя с достоинством, и Никита ее отпустил.

Мероприятие состоялось в диком парке на окраине города. Стояла чудесная пора завершенности, когда все созрело, а увядание еще не началось, только предупреждало о себе тоненькой корочкой льда на луже, оставшейся от шумного летнего дождя, яркими веснушками пожелтевших берез на фоне свежего и мощного хвойного леса, чуть пожухлой травой и клиньями птиц в небе.

С неба летела паутина, Лариса жмурилась и уходила с дорожки по густой траве, как по воде, радуясь, что к джинсам прилипают сухие головки репейника, совсем как в детстве.

За узкой полянкой начинался густой хвойный лес, изумрудные лапы елей чередовались с ровными и прямыми стволами корабельных сосен, которые еле слышно поскрипывали от легкого ветерка. Земля была покрыта толстым пушистым ковром их старой хвои. Лариса ходила по нему, собирала шишки, смотрела, как из земли выбухают узловатые корни, и думала, что они похожи на Алексея. Весь мир казался ей похожим на Алексея.

В тот день она была так счастлива, что хотела побыть одна, но надо было фотографировать.

Праздник устроили по принципу игры по станциям. Дети переходили от одного пункта к другому, и везде их ждали разные интересные конкурсы. То надо было попасть мячом в баскетбольное кольцо, то перетягивать канат, то выстрелить по мишени из лука. Были и интеллектуальные конкурсы: загадки и чтение стихов. В конце состязаний каждый первоклассник независимо от результатов получал подарок: набор акварельных красок «Ленинград» и книгу, причем из тех, что невозможно купить в магазине. Алексей ухитрился достать томики «Библиотеки приключений и фантастики», все разные, чтобы дети читали и обменивались.

Лариса первый раз в жизни видела, как людям хорошо и весело на официальном мероприятии.

Дети галдели, с горящими глазами перебегая от одной станции к другой, родители тоже пробовали свои силы в баскетболе и стрельбе из лука и сосредоточенно морщили лбы, пытаясь отгадать детские загадки.

Кто-то принес гитару и потихоньку настраивался, а Алексей носился по всему парку: «Товарищи отцы, больше трех не собираться!»

Лариса нащелкала две пленки и зарядила третью. Подошли два мальчишки, похожие как близнецы, с оттопыренными ушами, и заворуженно смотрели, как она вслепую перезаряжает фотоаппарат, просунув руки в рукава куртки. Почему-то ей очень польстило их детское восхищение.

Подойти к Алексею она отважилась только в конце праздника, когда комсомольцы убрали инвентарь. В коробке остался один набор – оказалось, что дочь Наташи Карнауховой болеет корью.

– Вот невезуха, – нахмурился Алексей, – из всей школы пропустить самое интересное.

– Надо поздравить, – сказала Лариса, вспомнив, как ей было горько, когда из-за болезни она не смогла поехать на экскурсию в крепость «Орешек» вместе со своим первым классом. А потом так и не случилось ей там побывать...

У подружки Наташи выяснили, что ребенок лежит дома, а не в больнице. Алексей сказал, что он болел корью, когда был маленький, и, кроме того, у него нет детей, которых он мог бы заразить, так что поедет к Наташе сам, хоть лично и не знаком с нею. Лариса не помнила, болела она или нет, но все равно поехала вместе с ним.

В кошельке у нее лежало несколько чеков, поэтому по дороге к Наташе они сделали крюк до магазина «Альбатрос», где Лариса купила ребенку двух восхитительных немецких пупсов.

За неделю дети уже передружились, и когда девочка выпишется в школу, то может оказаться изгоем, но куклы из «Альбаса» помогут ей завоевать авторитет.

Карнауховы жили в крошечной однушке, но несмотря на тесноту, были рады гостям. Девочка чувствовала себя неплохо, и пока Алексей произносил серьезную духоподъемную речь в честь ее поступления в школу, мама быстро накрыла на стол, а папа хотел мчаться в магазин, но Алексей сказал, что *omne meum porto*[2 - Все свое ношу с собой (лат.)].

Лариса дощелкала пленку.

Они выпили чаю с черствыми пряниками и мыльной на вкус докторской колбасой, пропустили по рюмочке коньяку и быстро откланялись, чтобы не утомлять больного ребенка, хотя Лариса с радостью посидела бы еще.

Ее посетило странное сосущее чувство, будто она случайно провалилась в свою настоящую жизнь.

Спустившись на два пролета, Алексей вдруг сильно притянул ее к себе, но тут по подъезду гулко, с эхом, разнесся лай: поднималась пожилая дама с толстой и широкой, как скамеечка для ног, таксой. Проходя мимо Ларисы с Алексеем, дама поджала губы и неодобрительно покачала головой.

Лишь много позже Лариса поняла, что визит секретаря комсомольской организации в компании жены директора должен был показаться хозяевам странным.

После того дня она стала мечтать. А вдруг случится какое-нибудь событие, благодаря которому они с Алексеем смогут быть вместе? Например, Никита – страстный автомобилист, иногда он ездит по вечерам просто покататься и развеяться. А вдруг... Нет, боже мой, она нисколько не желает ему зла, но оно же случается! Нет-нет, пусть он будет жив и здоров, а просто в очередной заграничной командировке возьмет и попросит политического убежища! Или найдет другую женщину и сам подаст на развод. В общем, чтобы как-нибудь исчез из ее жизни, а она ни в чем была не виновата.

Лариса ужасалась, откуда в ее голове вдруг взялись эти отвратительные мысли.

А когда выяснилось, что она все-таки не болела корью в детстве, то списала их на интоксикацию и бред.

Инфекция протекала так тяжело, что ее чуть не забрали в больницу. Первые три дня скомкались в клубок обрывочных картинок. Прилетела мама, ухаживала за нею, как за маленькой, но, как только спал первый жар, устроила допрос с пристрастием: что это за группа такая, где неизвестные мужчины позволяют себе звонить замужним женщинам и справляться об их самочувствии?

Лариса вяло оправдывалась, а сердце пело – не забыл, не забыл...

Через неделю ей стало получше, и мама уехала. Лариса наконец смогла поговорить с Алексеем. Оказалось, его вдруг отправили в отпуск, и «я бы хотел все свободное время посвятить изучению языка».

Она надеялась, что через пару дней настолько окрепнет, чтобы выйти на улицу и повидаться с ним, но Никита вдруг привел к ней известного терапевта в образе то ли засахаренного, то ли засушенного Айболита, который с глубокомысленным видом долго прикладывал к ней холодный фонендоскоп, а в итоге заявил, что сердчишко пошаливает, и для того, чтобы избежать пожизненных с ним проблем, необходим строгий постельный режим и уколы антибиотиков.

Из поликлиники стала приходить медсестра в накрахмаленном халате и в вечной улыбке. И о то, и о другое можно было порезаться.

Ангелина Григорьевна не приезжала, зато по своим каналам нашла временную домработницу, работающую и душевную, но слишком уж она серьезно относилась к своим обязанностям – торчала в доме с утра до вечера в буквальном смысле слова, не позволяя Ларисе подняться с постели.

Алексей проводил отпуск в празднотании по городу и звонил ей весь день напролет, иногда только прерываясь, когда под дверью телефонной будки скапливалась очередь. Тогда он перемещался в другой автомат.

– А помните «Таинственный остров»? – спрашивала Лариса.

- Что именно? Предпринимая что-нибудь, я не нуждаюсь в надеждах, упорствуя в своих действиях, не нуждаюсь в успехах?

- Да... Только я имела в виду Гедеона Спилета, который диктовал Библию по телеграфу, чтобы первым сообщить в редакцию исход сражения.

- Можно и так. А еще я вам хотел сказать, Лариса, что надо бутылочку катать.

- Что?

- Бутылочку. The bottle, как выражаемся мы, филологи.

- Не поняла?

- Да господи! Горячей воды в бутылку наберите и катайте.

- Зачем?

- Чтобы на заднице желваков не оставалось. Если просто грелку положить, будет нагноение, а бутылочка - самое оно.

Через месяц Лариса чувствовала себя почти здоровой, но вредный профессор не разрешил ей выйти на работу, заставил цехового врача продлить больничный еще на две недели. «Сердечко - это не шутки!»

Конечно, не шутки, только Лариса стала с завистью смотреть, как домработница моет пол. После шести недель безделья ей самой хотелось это сделать. Она пыталась выторговать себе хоть получасовые прогулки, но Айболит и тут проявил твердость: «Да вы только взгляните в окно, матушка моя! Дождь, сырость и ненастье, самая ревматическая погода! Достаточно один раз промочить ноги, как вы на всю жизнь будете обеспечены пороком сердца».

Лариса проторчала дома целых два месяца - так долго она раньше никогда не болела. В первую же среду она поехала в ДК, вести группу, которая, как ни странно, не распалась во время ее болезни, а занималась самообразованием, которым она руководила по телефону.

Алексей не пришел.

Она целый час бродила по пустой библиотеке, ждала его до тех пор, пока не позвонили с вахты, поинтересоваться, не ушла ли она случайно с ключами домой.

Лишь только в следующую среду узнала от своих учениц страшную новость: человек, которого она любила, оказался жестоким убийцей.

Не верилось. Конечно, не верилось, что его теплая и чуткая рука способна нанести смертельный удар.

Только секретарша из ОДО, которая всегда все знала, сказала, что Алексея вычислили по столбику двухкопеечных монет, который он обронил во время преступления. Такие же наборы оказались в его рабочем столе.

Тут уж невозможно стало не поверить. Кому еще надо столько двушек, как не влюбленному мужчине, часами болтающему с чужой женой по автомату? И, разумеется, их нужно держать отдельно от остальной мелочи, чтобы не отвлекаться, когда три минуты истекут и автомат потребует новую денежку.

У Ларисы едва хватило сил закрыть библиотеку. Кажется, она доехала до дому на трамвае, но самой дороги не помнила.

Из прихожей она сразу отправилась в душ и долго терла себя мочалкой, будто хотела снять всю кожу.

Любовь оказалась темным влечением к чужой темной душе.

Как она могла забыть, что приятное и хорошее – абсолютно не одно и то же?

Почему приняла самую низкую похоть за возвышенные чувства?

Были минуты, когда ей казалось, что они с Алексеем соединяются душами, так что исчезают между ними все тайны и барьеры. Почему же она не разглядела в нем низкое и злое?

Может быть, она тоже такая – низкая, темная и жестокая?

Он ласкал ее теми же руками, которыми убивал людей, а ей нравилось...

Значит, совсем не корь была виновата в ее злых мыслях насчет мужа. Значит, это с ней самой что-то не так, раз она потянулась к убийце и страстно желала смерти Никиты, чтобы соединиться с Алексеем.

На следующий день она взяла новый больничный и еще две недели неподвижно пролежала в кровати, ничего не ела и надеялась, что «сердчишко» что-нибудь выкинет и для нее все кончится. Лариса возненавидела себя.

– Ну как? – Галина Адамовна отточенным движением крутанула парикмахерское кресло и подала Ларисе второе зеркало, чтобы оценила затылок.

Лариса выжала из себя столько восторга, сколько могла.

– А вы были правы, дорогая! Гаврошик вам очень идет, вот просто очень! Косу жаль, но так вы посвежели, совсем девочка! На маникюрчик пройти, кстати, не желаете? У Розочки как раз окошечко внезапно освободилось.

Лариса прошла и погрузила пальцы в ванночку с горячей водой. Голове было непривычно легко и немножко холодно.

Хорошо, что она избавилась от волос, которые он так любил. Зарывался в них лицом, гладил... Все, теперь они отрезаны. Вырастут новые, не знавшие его прикосновений. А там, как знать, вдруг и вся она обновится.

* * *

Надежды Веры Ивановны, что все как-нибудь рассосется, не оправдались. Борис Михайлович не передумал, никто из коллег не выразил желания засветиться в громком процессе, и Еремеев тоже не пригласил для себя нормального адвоката.

Вот и пришлось Вере Ивановне натягивать свои прохудившиеся сапоги и тащиться в следственный изолятор «Кресты», где она была нечастой гостьей, ибо ее подзащитные редко удостоивались такой чести, как заключение под стражу.

Миновав все ворота, Вера Ивановна вдруг поняла, что больше похожа на маргинальную мамашу мелкого воришки, чем на адвоката, и настроение окончательно испортилось.

Хорошо хоть не пришлось долго ждать, пока освободится допросная.

Когда Еремееву объявили об окончании предварительного следствия, он отказался от адвоката и знакомился с производством по делу самостоятельно. Спихнулись только после того, как передали дело в суд. Вдруг вспомнили, что участие защитника в делах, в которых в качестве наказания может быть назначена смертная казнь, является обязательным, так что давай, Вера Ивановна, чеши в «Кресты», прибирай за нами!

Она поморщилась и в ожидании, пока приведут обвиняемого, прошлась по узкой комнатке, размерами чуть больше поездного купе. Стены, выкрашенные светленькой, но все равно тоскливой краской, по углам уже пошедшей пузырями, давили. Из узкой бойницы окна под потолком лился солнечный свет и ложился на бетонный пол прямоугольником, перечеркнутым решеткой, как шахматная доска или тетрадный лист в кривом зеркале.

Пахло затхлостью и табаком.

Привели обвиняемого.

Еремеев оказался высоким тощим мужиком с длинными ногами и руками. На узком темном лице выделялись высокие скулы и длинный крючковатый нос. Он не улыбался, но природа сама сложила его тонкие губы в злую усмешку, а во взгляде раскосых, почти монгольских глаз было что-то тревожное, неуловимо неприятное и раздражающее.

Вера Ивановна перевела взгляд на его руки – огромные кисти с худыми, но широкими запястьями.

Физической силой этого человека бог явно не обидел.

А самое ужасное, что Еремеев был неуловимо похож на Смирнова, жестокого маньяка и убийцу ее мужа.

Она села напротив и представилась.

– Итак, Алексей Ильич, я ваш адвокат.

– Очень приятно, – голос у него оказался низкий и глухой.

Разговаривая, он по-птичьему поворачивал голову, и Вера Ивановна наконец сообразила, что не так в его лице. Искусственный глаз.

Стул был привинчен к полу, но Вера Ивановна немножко подвинулась, чтобы оказаться на его зрячей стороне.

– Алексей Ильич, лучший совет, который я могу вам дать в качестве вашего адвоката, – пригласите себе другого адвоката.

– Что так? – он засмеялся, а Вера Ивановна вздрогнула – дико было видеть в маньяке проявление человеческих чувств.

– Во-первых, у меня мало опыта в делах такого рода...

– Ну так их вообще, слава богу, мало.

– Да, слава богу. Но есть еще личная причина, по которой я не смогу вас представлять и добросовестно соблюдать ваши интересы.

– И что вы предлагаете? Никто не хочет меня защищать, а биться самому мне, оказывается, закон не позволяет. Так что, теперь вечно, что ли, в Крестах сидеть, пока не родится адвокат с менее высокими моральными устоями, чем у всех у вас?

Вера Ивановна покачала головой:

– Так не будет.

– Я тоже думаю, что не будет. Если казнь назначена, то она обязательно состоится.

– Не передергивайте, Алексей Ильич. Покамест назначен только суд.

– Который будет простой формальностью. Понятно же, к чему меня приговорят. Вера Ивановна, я был, конечно, ошарашен, когда меня арестовали, но, черт возьми, улики такие убедительные, что я даже начал сам себя подозревать, хотя точно знаю, что ничего подобного не делал.

– Нет?

– Нет, Вера Ивановна.

Она пожала плечами:

– Предупреждаю, что ложь адвокату всегда обходится очень дорого.

– Я не лгу.

– Ладно, тогда я первая подам пример честности. Дело в том, что много лет назад моего мужа убил маньяк.

– Соболезную.

– Спасибо. Просто вы должны знать: я глубоко и непоколебимо убеждена, что никакого другого наказания, кроме смертной казни, для таких чудовищ быть не может. Так что еще раз предлагаю вам взять другого адвоката.

Еремеев нахмурился.

– У вас есть реальный шанс сохранить жизнь, – продолжала Вера Ивановна, – если вы напишете чистосердечное признание во всех убийствах, которые совершили. Дело вернут на доследование, вы будете сотрудничать, покажете,

где находятся тела, плюс ваши боевые заслуги... Шанс есть, Алексей Ильич.

- Да ну, бред какой-то! Если бы я и захотел рискнуть и оговорить себя, то все равно не знаю, где тела, так что мне нечего предложить следствию, кроме слез и соплей, а это, сами знаете, товар не слишком ценный.

- То есть мы будем строить линию защиты на том, что вы невиновны?

- Именно.

- Тогда дайте мне хоть что-нибудь. Хоть какую-нибудь зацепку.

Еремеев развел руками:

- Я же вам говорю, ничего нет.

- Алиби?

- Что вы, откуда? Я человек одинокий, с соседями общаюсь постольку-поскольку. После работы нигде не бываю, рано ложусь спать. Да и, насколько я понял, тела обнаруживали не сразу, когда уже трудно определить точное время смерти. Вот с фляжкой только если... Да и то!

Он коротко хмыкнул.

- Что?

- Да чертовщина какая-то! Если я потерял ее, пока убивал того несчастного парня, то с июля как минимум у меня не должно было ее быть, верно?

Вера Ивановна кивнула.

- Однако я помню, как пользовался ею в сентябре.

Она поморщилась. Слабенько. Свидетелей этому нет, но даже если они каким-то образом найдутся, гособвинитель тут же сотрет их в порошок. «Вы точно видели

у подсудимого указанную фляжку после июля прошлого года? Чем можете подтвердить? Почему решили, что это именно она, а не точно такая же? Вы просто путаете или даете заведомо ложные показания, чтобы выгородить вашего приятеля?»

– Был момент, когда я решил, что сошел с ума, – сказал Еремеев, – все-таки башкой тогда сильно приложился. Боялся, а вдруг реально раздвоение личности началось или что похуже? Но специалисты в психушке сказали, что я нормальный.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Слова из фильма «Не бойся, я с тобой», автор слов А. Дидуров.

2

Все свое ношу с собой (лат.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mariya-voronova/pogruzhenie-v-otrazhenie>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)